

Путешествие в Никуда

Авторы: Вероника Бакилы
Ара Недолян

Звезды, рассветы, радуги...
В запущенном ветрограде
столько сырья для радости -
вовек не перелопатить!
Придешь, поплюешь на руки?
Давай в четыре лопатки
полоть прошлого заросли,
рыхлить грядущего грядки!
Вера Павлова

1

Лала вернулась из Америки в связи со смертью отца. От того, что он внезапно скончался в больнице, потребовалось вскрытие (или взятка за то, чтобы вскрытия, по мусульманскому обычаю, не проводили). В воскресный полдень в морге не нашлось специалистов по данным вопросам, и похороны пришлось отложить на следующий день. Тело отца осталось лежать в холодном морге, а Лала получила возможность добраться до дома к положенному сроку.

Мысль о том, что в случае чрезвычайной ситуации, ее от Баку отделяли как минимум 24 часа лета и ожидания в аэропортах, тревожила ее и раньше. И вот страшная весть бросила в такси, вместе с наспех собранными чемоданами. Друзья помогли освободить снятую квартиру, собрать оставшиеся вещи и разместить их у себя.

Несколько лет назад она уезжала в Америку с намерением никогда не возвращаться, но сейчас решила, что после похорон останется с мамой, наверняка почувствовавшей себя совсем незащищенной в ветреном городе, в который муж привез ее после женитьбы и окончания ими обоими учебы в Тбилиси. По дороге Лала думала, что мама была совершенно беспомощной в вопросах соблюдения традиций. К тому же, это была первая смерть в их семье, в которой маме пришлось стать главным действующим лицом всех церемоний. Она полностью вверила себя заботам Шалале, жены двоюродного брата мужа, которая была экспертом в вопросах соблюдения традиционных поминальных обрядов.

Что чувствовала мама, хороня мужа по мусульманскому обычаю? Не жалела ли о сделанном тридцать пять лет назад выборе, о том, что нелюбимая ею баранина стала частью рациона на все эти годы? Судя по тому, что Лала так и осталась единственным ребенком, может быть и жалела.

Лала зашла в поминальную палатку, где собрались женщины. За главным столом, рядом с закрывшей глаза в трансе мамой, сидела полная женщина лет 50, одетая в белую робу, с белым платком на голове. Это была мулла по имени Наиля. Она нараспев читала молитву, которая уносила Лалу далеко, в необъятные дали ее подсознания, где приглушенно мерцали огоньки прожитого и придуманного прошлого, религиозной прабабки Кербалаи, которой она никогда не знала, родителей, оторвавшихся каждый от своей культурной среды и так и не прибавшихся ни к какой другой, паривших, словно на картинах Шагала, между облаками их личной лирики и крышами бытия на которые они удивленно взирали с высоты своего полета.

Позже она спросила маму, каково ей было в тот момент, не казалось ли все происходившее странным. Мама удивилась, «Что ты, наоборот, это меня и успокоило. Она пела, а я представляла

себе белую арабскую пустыню и погонщика верблюдов, который вел свой караван к заходящему солнцу. Я шла за ними. И мне было так хорошо и спокойно».

...Отец часто называл себя «арабом, потерявшим своего верблюда». Что именно он имел в виду, было сложно сказать – слишком много в его жизни было невосполнимых потерь, по поводу которых он отшучивался, не позволяя себе грустить на людях. Лалина фантазия уносила ее в те годы, когда отец был студентом Академии Художеств, подверженным влияниям европейского и грузинского искусства и различных интеллектуальных течений. Он и его друзья составляли многозначительные кубистские коллажи из черно-белых снимков – на них при внимательном рассмотрении обнаруживались половинки яблок, шляпы-котелки и оголенные ягодицы, за которыми просвечивали обнаженные души их носителей. Жизнь наверняка представлялась ему тогда полной возможностей для самореализации вне пределов узких этнических интересов его сообщества. Женитьба на женщине из чужого племени, полу-гречанке, полу-украинке родом из Тбилиси, литературоведом, подтверждала серьезность этих намерений.

Но по возвращении в Баку, малозаметные на первый взгляд различия между ним, его образом жизни и интеллектуальными предпочтениями, и его средой, усугублявшиеся сложностями семейной жизни, в которых немаловажное место занимала «чуждость» его супруги, стали разъедать его чувствительную душу, от которой с годами, как и от его печени, остались лишь дырки да заплатки. Для нонконформиста и революционера у него была слишком тонкая кожа, и со временем он остался совсем один. Лала часто думала о том, что главным верблюдом, потерянным им во время скитаний по жизненной пустыне, стали нити, связывавшие его с культурой предков.

Стремление к «европейскости» через «русскость» удивительным образом сочеталось в нем с проявлениями национальной гордости. Он возмущался тем, что русский народ считался в СССР «старшим», а не «равным» братом всем остальным. Он утверждал, что в то время, когда мусульманский Восток был центром мировой культуры и науки, русские «бегали в медвежьих шкурах». С иронией рассказывал о том, как после щедрого приема, с бесконечным потоком яств, изготовленных признанным мастером азербайджанской кухни, его высокий гость из Москвы вздохнул: «Эх, борща бы!» Он отказался вступать в коммунистическую партию, за что, как и за свой длинный язык, впоследствии поплатился должностью.

Он спрашивал десятилетнюю Лалу, почему герои написанных ею рассказов были сплошь обладателями русских имен, хоть и жили они в столице Азербайджана, и почему среди ее подруг не было ни одной азербайджанки. Лалу все это не убеждало. В ее школьных документах было указано, «родной язык – русский», что в полной мере отражало ее самоощущение.

Тем временем, процесс его собственного преобразования в сторону «русскости» был значительным – и трудоемким. Получивший образование в послевоенной русской школе, он с самого раннего детства оказался на разломе европейской и азиатской цивилизаций, в месте, не прощающем нерешительности в выборе между ними.

Когда же время повернулось вспять и оказалось, что эта жертва была принесена напрасно, то не было уже ни сил, ни вдохновения на то, чтобы предпринять путешествие обратно, без верблюда и с тяжелым мешком за плечами. В полуголодные послесоветские годы он лишь еще глубже «закопал» себя среди листов ватмана, пузырьков с тушью и перьев, набрасывая неровной рукой смутные сцены, похожие на нашествие саранчи.

...Теперь она стояла посреди пустой мастерской, в которой лежали его книги, наброски, пустые бутылки, фигурные колбы и старые деревянные стулья. На стенах висели написанные маслом картины, а на старой вешалке у входа – две засаленные джинсовые рубашки с подогнутыми

рукавами, давно не стиранные, пропитанные запахом пота и сигарет, испачканные красками и Бог знает, чем еще.

Ей не хотелось уходить, менять грешность этого святилища на пошлость окружающей действительности. Не хотелось возвращаться к маме и смотреть в ее опустевшие глаза, из которых не пролилось не одной слезинки, только застыло стоическое удивление и сомнение в реальности происходящего. И уж совсем не хотелось видеть сочувствующие лица знакомых и не знакомых людей, пришедших выразить соболезнования, женщин, притворно утирающих краями платков несуществующие слезы и отхлебывающих чай мужчин, которых ей видеть было не положено.

Но оставаться здесь было тягостно и зябко – в помещении не было электричества и отопления, и от ноябрьского холода побледнели, одеревенели пальцы, которые она все глубже заталкивала в карманы куртки. К тому же через пару часов наступила бы темнота. Она еще раз обошла кругом комнату, стараясь запомнить все таким, каким оно было в этот холодный солнечный день, зная, что в суете не скоро вернется сюда. Закрывает дверь на маленький ключ и пошла вниз, перескакивая через поломанные ступеньки и не оглядываясь на соседские двери, за которыми скрывались такие же художественные мастерские, полные призраков и пыльных натюрмортов с пластмассовыми фруктами эпохи соцреализма.

Спустившись, она открыла автомобиль, который подмигнул ей издали своими раскосыми фарами. За время ее отсутствия он поистрепался, но, в целом, пожилой водитель, которому была доверена забота о нем и транспортировка по городу Лалиных родителей, справлялся со своим делом неплохо – все работало.

«Моя машина – моя крепость» с нежностью подумала она о железной подруге, защищавшей от нахальных взглядов, несдержанных языков и длинных рук местного мужичья. Тех, кого она и ее русские подруги называли «чушками» в свои детские, советские годы.

...«Доченька, кто такие «чушки?», -- мягко спрашивал отец, когда она, почти подросток, придя домой, возмущенно рассказывала о невоспитанных мальчишках во дворе, ругавшихся матом по-азербайджански. «Разве от того, что они не говорят по-русски они становятся «чушками»? По какому принципу ты отличаешь «чушку» от «не чушки?»»

Она не знала, как объяснить это словами. Она чувствовала их нутром – всю силу их необузданности, несовместимости их взглядов на жизнь с ее собственными, ограничивающих свободу ее перемещения, свободу мыслей и действий. Тогда она не знала ничего о столкновении цивилизаций, но сталкивалась с ним каждый день в собственном дворе. Однажды они поймали котенка и забили его до смерти о каменную плиту, поливая водой из крана.

«Чушки – это те, кто обижают животных», сказала она в ответ.

«А русские мальчики не обижают животных?»

Это было правдой – в этой несносной команде был один русский мальчик по имени Вова, дитя улиц – сын матери-одиночки, перегруженной работой уборщицы в кафе, проводивший сутки напролет в дворовой компании. Был там и армянский мальчик Сережа, который жил с не справлявшейся с ним бабушкой. Они тоже были «чушками», в этом она не сомневалась. Сережа, правда, был не в счет – в иерархии ценностей ее детства представители кавказских народов всегда стояли на ступеньку ниже славян, что, странным образом, сочеталось с ее собственной принадлежностью к первым. Сейчас ей было стыдно за такое расистское отношение, но тогда оно было нормой среди ее окружения.

Как бы то ни было, в свои тридцать с лишним лет, прожив почти восемь из них в Америке – по два-три года в разных штатах, то по учебе то по работе – Лала так и не смогла вытравить из себя привычку подозрительного отношения к мужчинам, находящимся по ту сторону цивилизационного разлома, где слово мужчины – закон, а оценивающий взгляд на женщину – данное природой право.

Несмотря на попытки отца заставить дочь задуматься о ее предвзятом отношении к своим соотечественникам, он и сам никак не мог определиться в своих предпочтениях. С одной стороны, он периодически выговаривал Лале-школьнице за то, что она не знала азербайджанского языка, с другой – признавался (или бахвалился?) что по-русски говорит намного лучше, чем по-азербайджански, и гораздо грамотнее многих русских.

2

...Она завела мотор и медленно отъехала от здания Дома Художников. Радио передавало передачу «Азери Джаз» -- бленд восточных мотивов с классическим джазом, музыкой ее детства, которую часто и с упоением слушал отец, называя Баку одной из Советских джазовых столиц. В послесоветском Баку эпохи второго нефтяного бума замечательные джазовые мастера играли в Джаз-Центре -- ресторане, где национальную и европейскую кухню можно было запить терпкой смесью вина и джаза.

Ей захотелось поговорить со своим другом Самиром, который был ей ближе остальных, хотя их взгляды на характер их взаимоотношений расходились. Ей представлялось, что они – очень хорошие друзья, а он не верил в дружбу между мужчиной и женщиной.

«Просто я тебя люблю, а ты меня – нет» суммировал он ситуацию между ними, но она знала, что это было не вполне правдой. Знала, что, несмотря на открытость своих взглядов, широту души, многогранность опыта и образованность, он все же не мог принять ее такой, какая она была, что если бы они стали друг для друга большим, чем друзья, ей пришлось бы идти на тысячу уступок и маленьких компромиссов, чтобы соответствовать его представлению о том, что она, женщина, «должна» и чего – нет.

Она несколько раз пыталась написать его портрет, но ей это не удавалось – что-то неуловимое терялось из его взгляда на ее набросках и он становился не похожим на себя, безжизненным. Про себя она решила, что рисует его таким, каким ей хотелось бы его видеть, лишив его некоей сущности, которую она, в свою очередь, отказывалась в нем принять.

В этот момент зазвонил телефон. Звонил Самир, который хотел узнать, как она себя чувствовала и где находилась. «Я думал, ты – дома, сегодня же четверг».

Да, конечно, не подобает деве разумной на четвертый день после потери отца находиться черт знает где, да еще в четверг, когда в дом могут наведаться знакомые, узнавшие о ее горе.

-- Ты же знаешь, я не люблю всех этих церемоний. Мне хотелось побыть одной. Палатку уже убрали, все знают, что «четвергов» мы не устраиваем.

-- А мама?

-- Маме не до меня. Она витает где-то в облаках, разговаривает с отцом. К тому же там сейчас доброжелателей достаточно, так что нам с ней даже при желании не удалось бы поговорить. Но – повторяю – ей сейчас не нужны ни они, ни я. Она в своем мире, и ей там хорошо. Все равно нам

не понять, не дотянуться до того места, где она с ним общается, только душу беречь своими банальностями.

-- По-моему, ты просто уходишь от реальности и пытаешься прикрыться какими-то фразами. Ну ладно, дело твое. Что будешь делать?

-- Мне бы хотелось поговорить. И, может быть, выпить. Ты свободен?

-- Конечно. Встретимся в нашем обычном месте?

-- Давай. Я буду там через полчаса. За тобой заехать?

-- Нет, я как раз брожу по Старому городу, дойду пешком минут за двадцать.

«Их местом» был маленький грузинский ресторанчик «Тбилисо», в котором было вкусно, не дорого, и даже не очень накурено в связи с тем, что хозяйка, добродушная и краснощекая, лично, с тысячей извинений и обезоруживающим грузинским акцентом, просила посетителей не курить, кроме как во внутреннем дворике, украшенном декоративными резными скамейками и уставленном разных форм и размеров ажурными гончарными изделиями – подсвечниками и замысловатыми канделябрами, изготовленными владельцем ресторана.

Управлявшие рестораном грузины были скорее всего осетинами, а «домашнее грузинское вино» было далеко от идеального, но подавалось оно в красивых глиняных кувшинах, что способствовало созданию у посетителей особого настроения -- ощущения, что они совершили секретное путешествие на ночном поезде в Тбилиси, отведав не только хорошо знакомые харчо, сациви и хачапури и менее известные чахохбили и чихиртму, но и экзотические мчади, джонджоли, купаты, и мужужи, а также мхали и мцвади, от одних названий которых текли слюнки, и откуда возвращались они в свои бакинские квартиры пропитанными духом грузинского гостеприимства и запахом чеснока и специй.

В «Тбилисо», как всегда, было полно народа, но для них нашелся маленький столик в углу. Они сразу заказали кувшин вина и принялись рассматривать меню.

-- Смотри, долма! – удивленно воскликнула Лала. – Я думала, что у нас только с армянами споры о том, чьим национальным блюдом она является.

-- Никаких споров и быть не может, -- немного раздраженно сказал Самир. -- Слово «долма» происходит от тюркского слова «долмаг», то есть наполнять, фаршировать.

-- Да какая на фиг разница!!! Тебе что от этого лучше кусок в горло пролезает? И вообще, виноградный лист с начинкой есть и у многих средиземноморских народов. Неужели не понятно, что люди, долго живущие в схожих климатических условиях, естественным образом приходят к похожей кухне?

Хозяйка принесла вино.

-- А почему у вас в меню «долма»? – спросил Самир, улыбаясь.

-- А вы открыли страницу «Азербайджанские блюда». Не все любят нашу острую еду, иногда клиенты просят что-то свое, а у нас есть не только отличный грузинский повар на нашей кухне, но и прекрасный поставщик азербайджанских блюд, которая живет в этом же доме, на третьем этаже, и готовит для нас эксклюзивно – каждое утро, все очень свежее. Хотите заказать?

-- Нет-нет, мы как раз хотим чего-нибудь острого, грузинского, -- засмеялся Самир. – Мы уже готовы оформить заказ.

Лала отхлебывала вино и наблюдала, как Самир коверкает грузинские слова и как это веселит хозяйку.

3

Прошло уже почти полгода с момента приезда Лалы в Баку. Иногда она писала картины, закрывшись в свободной комнате в родительском доме, и никак не могла решить, остаться ей или уехать обратно. Она почти ни с кем не общалась и мало контактировала с местной публикой, за исключением редких встреч с представителями американского посольства, покупавшими ее картины.

Приглашение от Франца Винса, поступившее по электронной почте, гласило, что вечер в его доме предполагается чрезвычайно неформальный. Лала пораздумывала над тем, не попросить ли разрешения привести с собой Самира, но решила, что не стоит усложнять и отправилась одна. Собравшиеся гости представляли собой смешение лиц, принадлежавших к различным профессиональным, возрастным и национальным группам. Не совсем понятно было по какому принципу отбирали приглашенных, но чувствовалось, что хотели создать баланс местных со своими.

Толстый американский джентльмен, представившийся Дагом, стипендиантом программы Фулбрайт в области литературы, рассуждал с представителем немецкого посольства о вопросах идентичности. Лала спросила, может ли она присоединиться к разговору на столь интересовавшую ее тему. Через некоторое время к ним присоединилась и молодая азербайджанская девушка по имени Лейла, сотрудница одной из международных организаций, подвигающихся на поприще продвижения идей демократии в малоразвитые страны.

Лала пыталась описать разделяемое многими представителями бывшего советского населения, не определявшими себя по этническому признаку, ощущение невостребованности, особенно у многих бакинских космополитов-интернационалистов, оставшихся в результате развала Союза чужими среди своих.

-- Они словно провалились в расщелину при землетрясении, которое представлял собой распад огромной страны, и никому до них нет дела. Многие происходят из этнически смешанных семей, а некоторые просто очень сильно идентифицировали себя со своим советским паспортом или с доминирующим русским языком. Идеология уступила место культурным различиям, и они (то есть «мы», потому что я и о себе говорю) оказались к этому совершенно не готовы. Своими мы себя не чувствуем нигде.

-- Я знаю отличное местечко для тех, о ком вы говорите. Оно называется «Брайтон Бич», - улыбнулся Даг.

Все засмеялись, а Лала начала было объяснять, почему Брайтон Бич, в данном случае, не подходит, но тут хозяйка позвала всех отведать пиццы и разговор сам собой завершился. Лейла смотрела на нее со смесью недоверия и настороженности, но Лала к этому уже привыкла и старалась не обращать внимания.

Лейла снова подошла к ней, уже с куском пиццы на бумажной тарелке, и возобновила разговор.

- Вы знаете, мне то, о чем вы говорили, одновременно и понятно, и нет. Я – не продукт смешанного брака, или, как принято говорить в Баку, не «полукровка». Более того, я выросла в послесоветское время, и когда разваливалась Ваша большая страна, мне было всего семь лет. Но от своих родителей, так называемых «коренных» бакинцев, я часто слышу о том, что раньше все было по другому, что жили люди в мире и согласии, и не обращали внимания на национальные различия. Я думаю, что проблема не в «национальности», а в наших патриархальных традициях. Я тоже чувствую, что между мной и многими традиционными азербайджанцами стоит стена непонимания, я уже не говорю о радикальных исламистах, которые угрожают самому моему существованию как «не покрытой», не замужней, независимой женщины.

-- Именно поэтому я выбрала для себя Запад, - ответила Лала. -- Мне там многое не нравится, но сейчас наступило такое время, что мир поляризовался, и надо выбирать. Это – как война, надо думать о том, чем для тебя лично закончится победа одной из сторон. Либо ты на стороне так называемых «либеральных ценностей» – системы взаимоотношений, которая позволяет своим гражданам жить так, как им представляется разумным, в рамках закона, конечно же, но законы эти соответствуют укоренившимся в обществе либеральным ценностям, а не противоречат патриархальному укладу, как это часто происходит у нас. Либо на стороне тех, кто может быть, и является притесняемой группой в масштабе планеты, но ты вынужден эту несправедливость принять за справедливость, потому что тебе не нравится ход их мыслей. Это – нелегкий выбор, но я выбираю первых.

-- Вы знаете, я, наверное, тоже с радостью выбрала бы первых, но не уверена, что в случае конфронтации, о которой Вы говорите, она выберут меня -- что они посчитают меня за свою и не сметут с пути вместе с бывшими «моими», от которых я отмежевалась бы ради них. Не хочу остаться чужой среди своих и чужой среди чужих.

Лала посмотрела на собеседницу с интересом. Эта мысль ей почему-то в голову не приходила, а ведь вполне могло быть и так, что американцы точно так же не принимали ее за свою, как в свое время – русские, хоть она и отказывалась это понимать. Она попыталась уйти в привычную самооборону:

-- Я – индивидуалистка, и предпочитаю держаться особняком. И от своих, и от чужих. Поэтому мне проще жить в Америке, чем в Азербайджане.

-- Не хочу с Вами спорить, но мне кажется, что это – иллюзия. Всегда есть свои и всегда есть чужие, одному человеку просто не выжить, каким бы индивидуалистом он не был. Посмотрите на американцев – они воспитываются на идеях торжества индивидуального над коллективным, ведь фундамент их страны закладывался колонизаторами-одиночками, желавшими лишь того, чтобы быть оставленными в покое соседями и полагавшимися только на себя и свое оружие в борьбе со стихией и врагами. И что же? Есть ли страна, более проникнутая духом патриотизма, чем Америка? Я никогда не бывала там, но мои друзья рассказывали, что на многих домах висят американские флаги. К тому же, посмотрите, как свято верят они в превосходство своих идей и в свою роль мирового блюстителя нравов. Что это, как не сильная самоидентификация с идеями своей группы?

-- Все правильно. Но вы, тем не менее, работаете на организацию, которая проповедует превосходство этих самых идей и их распространение по всему миру в качестве пилюли от всех бед...

-- Ну, тут уж я вынуждена с Вами согласиться – лучше быть с ними, чем против них. К тому же, у меня неплохая зарплата, -- Лейла повернулась в ту сторону, куда, слушая ее, часто посматривала Лала.

Через дверной проем была видна высокая фигура женщины, которая разговаривала с кем-то в соседней комнате. Ее собеседников не было видно, только ее саму и стакан кока-колы в ее костлявой руке. Это была Севда – непримиримая активистка оппозиционного движения и пламенная патриотка. По ее взгляду было понятно, то разговаривает она с кем-то из политических оппонентов. Вперив в него немигающий взор, она, видимо, слушала его возражения и доводы.

Столько в ее взгляде было стремления к торжеству справедливости, ненависти, жесткости и даже жестокости, что трудно было не вдохновиться, глядя на искаженные эмоциями и потому красивые черты ее вдохновенного лица. В тот момент она была прекрасна, потому что смысл существования распирал ее душу, наполнял ее не знавшее плотской любви тело, разглаживал морщинки, наполняя каждую из них живительной силой ненависти. Люди перед смертью выглядят иногда охваченными подобным озарением, свечением изнутри, особым вдохновением, почерпнутым из внезапно открывшегося им источника человеческого счастья, того Грааля, в котором плещется смысл каждого вдоха и выдоха. Различные оттенки этого света появляются в глазах людей очень увлеченных идеей – будь то материнство, война, или мировая революция. Лала не могла отвести глаз.

-- Вы знаете Севду? – спросила Лейла.

-- Да, знаю. Не могу сказать, что полностью согласна с ее бескомпромиссностью, но уважение вызывает. Немного наивно, но вдохновляет на подвиг, - иронично улыбнулась Лала. -- Сейчас в Баку среди прогрессивной молодежи стало модным сетовать на пассивность населения. И чего это они не поднимутся на революцию, вопрошают те, кому, может, и невдомек, что эта их увлеченность всем революционным перешла к ним с генетической памятью от советских родителей, с упоением распевавших в летних лагерях «Весь мир до основания мы разрушим» и «Взвейтесь кострами, синие ночи». Революция – это романтично, это высокие идеалы. От нее всего один шаг до демократии – пришли, свергли неугодного тирана и – вот она, манна небесная, демократия, всеобщее взаимное уважение, чистые улицы и почитание законов... Азербайджанцы за одну ночь превратятся в норвежцев. Ну или хотя бы в грузин. Вот только пройдет период, сопутствующий любой вооруженному столкновению – массовые бесчинства, убийства, расхищение и беспредел – и тут же наступит новая, счастливая жизнь.

-- От Вас я такой тирады не ожидала, -- сказала Лейла отчужденно. – Вы что, хотите сказать, что Вам приятен режим у власти? Вы не хотите перемен?

-- Очень хочу. Но не очень верю... К тому же, мне, русскоязычному маргиналу, ни те, ни другие ничего внятного не предлагают. Более того – ни в тех, ни в других не наблюдается ни малейшего желания отойти от военизированных стереотипов в отношении конфликта с армянами и от патриотического пафоса.

К ним подошел знакомый Лейлы, который, поздоровавшись, оттащил ее в сторону и тихо заговорил о чем-то их связывавшем.

Лала решила, что вечер окончен. Попрощаясь с хозяевами и немногими оставшимися гостями, она вышла на улицу и позвонила Самиру. Они договорились увидеться поздним утром в кофейне.

4

По дороге домой она в очередной раз решила, что нужно воспользоваться своим присутствием в Баку и начать работать над проектом, о котором она много размышляла уже несколько лет. Пока еще живы те, кто помнит тот Баку, другой, мультиэтничный, доперестроечный, надо начать

сбирать их устные истории, с фокусом на том, как они пережили развал СССР. Ведь опыт мирного сосуществования разных групп как нельзя более актуален для мира. Надо исследовать подобную историю для того, чтобы воспользоваться ее уроками в будущем и не повторять сделанных ошибок. Может, кто-то уже провел подобное исследование? Надо бы полазать в Интернете и поискать.

Лала вошла в темный кабинет, постояла немного, прислушиваясь к протяжным завываниям бакинского ветра, пронизывавшего ее до самых костей даже в теплом уюте ее дома, потом на ощупь ткнула пальцем в кнопку компьютера, и турбинный гул процессора заглушил посторонние звуки с улицы, а рядом весело замигал зелеными огоньками беспроводной модем.

Она растворилась в мировой сети и опять стала маленькой, не присоединенной частичкой вселенной, где можно было найти себя в чем угодно, по своему вкусу, не будучи подгоняемым обществом в заданном направлении (ну разве что рекламой, которую было проще игнорировать): если женщина, то непременно интересуется модой и духами (а также духами, предсказывающими будущее), если не замужем, то ищет партнера, если азербайджанка, то консервативна и насторожена по отношению к армянам, если живет в Азербайджане, то живо интересуется политикой и вопросами межнациональных отношений.

Последние ее, правда, интересовали, но исключительно с точки зрения антропологических исследований, собственных страстей по этому поводу или особой приверженности идеям разграничения двуногих по принципу «чистоты крови» она не придерживалась. Может быть потому, что не выросла в традиционной среде, где мудрость передавалась из поколения в поколение, а чай заваривался каким-то особым способом, секрет которого хранился на родине предков. «Перекасти-поле» думала она о себе, в полной мере осознавая немодность и даже опасную аполитичность такого самоопределения в мире ее теперешнего физического существования.

Лала бродила по старым узким улочкам и широким авеню интернета, не глядя пробегая мимо неких лиц и событий, вглядываясь и вчитываясь в иные. На глаза попался заголовок «Устные истории татоязычных армян о событиях начала 20-го века». Содержание текстов в очередной раз убедило ее в том, что безумства и беспредел с обеих сторон не имели границ, но одна фраза заставила задуматься, потому что в ней было сосредоточено то, что представлялось ей одним из ключевых моментов существующей ситуации. Опрашиваемый, мужчина 1931 года рождения, вспоминал наказ своего отца, участника событий: «Турка в дом не пускай», в соответствии с которым он и его соседи по деревне прожили всю жизнь, несмотря на то, что, по его собственным признаниям, некий турок (азербайджанец?) в Гяндже спас его от смерти, спрятав в своем доме. Но коллективного прощения турки тем самым не заслужили. Она попыталась представить себе этого бородатого, приземистого старика (почему-то он представлялся ей именно таким), проникнуть в его мысли и чувства.

«Турка в дом не пускай», - повторила она, пытаясь осознать глубину неприязни, лежавшей в корне этой фразы, и свою неизбежную причастность к ней.

Она вспомнила свою любимую учительницу, Анну Михайловну Акопянц, которая вела ее любимый предмет – русский язык и литературу. Ей казалось, что Аннушка ее любила и даже ставила не всегда заслуженные пятерки, если задание и не было выполнено полностью. Их знакомство состоялось после того, как Лала перешла из прежней школы, где она семь лет была отличницей и старостой, в ту, где училась ближайшая ее подруга Наташа Петрова.

Первое свое сочинение для Аннушки она написала на тему «Моя любимая книга». Прочитав ее пламенные излияния по поводу только что прочтенного «Осуждения Паганини», Аннушка сухо

поджала губы: «Неплохо было бы, если бы свое сочинение Вы написали сами». «Так я сама, сама!» - чуть не задохнулась от возмущения Лала. «Я сама написала», добавила уже тише, поняв, что ее пока не знают и потому не верят. Со временем, Аннушка перестала сомневаться. Она верила в литературные способности Лалы и отправила ее на Олимпиаду, где та заняла второе место.

Неужели и ей, Аннушке, родители говорили подобные фразы? Неужели Аннушка воспринимала ее как часть той темной силы, с которой надо постоянно воевать, которой нельзя доверять? Если это и было так, то Лала этого на себе никак не ощущала.

Куда уехала Аннушка, никто не знал – все, с кем училась Лала, разъехались. У нее были ученики, которые ходили к ней заниматься «до последнего», но и их уже разбросало по долам и весям планеты. Она вполне могла уехать в Ереван, но вот только как она там прижилась бы? Как многие бакинские армяне, она наверняка не знала армянского языка на том уровне, который требовался бы для устройства на работу в школу. Многие бакинцы, включая азербайджанцев, не знали никакого другого языка, кроме русского. Лала слышала от знакомых, что в Ереване такие «не настоящие» армяне притеснялись, а их попытки говорить «по-еревански» часто высмеивались.

На сайте Баку зарегистрированы десятки тысяч бакинцев. Из находящихся за пределами Азербайджана, наибольшее число проживает в США (более десяти тысяч), Израиле (под восемь тысяч), Украине (около четырех с половиной тысяч), Великобритании, Канаде (под тысячу двести в каждой), Армении и Беларуси (около тысячи в каждой). Почти все они ностальгируют об оставленном городе. Большинство хотели бы посетить город своего детства хотя бы раз, но жизненные обстоятельства не предоставляют им такой возможности. Для некоторых двери родины прочно закрыты. Хотелось верить, что не навсегда.

...Параллельно она искала поэзию русскоязычных бакинских поэтов и наткнулась на стихи о Великом Лидере от одной из ведущих поэтесс с характерным именем Алевтина.

От всего этого было тошно.

От армянских националистов, проклинающих «турков».

От азербайджанских националистов, проклинающих армян.

От поэтов, славящих владык.

От владык, собирающих со всего этого дивиденды.

Было 11-ое февраля. Почему-то вспомнилось, что это был день рождения влюбленного в нее одноклассника. Пожалуй, не без взаимности, но кто там разберет в пятом классе? Вадик Мартиросян пришел к ней, заболевшей, в гости – с яблоками и в сопровождении неразлучного с ним Левы Розенталя. Потом она поздравила его с днем рождения, купив на сбережения и с разрешения мамы одеколон в подарок. Наташа Петрова, прямолинейная и грубоватая, злилась и ревновала, когда звонил телефон и Вадик прерывал их посиделки. У нее не хватало смелости сказать Наташе, что ей хотелось бы остаться одной и поговорить по телефону. Вместо этого она мямлила что-то о том, что не отвечать на звонки невежливо, что дало рыжеволосой подруге повод сорвать трубку и сурово рявкнуть в нее, «Это Лалина мама! Не звоните сюда больше!» Вадик больше не звонил, а в школе он и Лева обходили ее стороной, отводя глаза. Лала отводила глаза в ответ. Гордость не позволяла ей подойти и все объяснить.

... Прошло уже много часов, и Лала потеряла счет времени, копаясь в интернет-страничках и собственных воспоминаниях. Было, наверное, уже очень поздно (или уже очень рано?), но ей не хотелось спать. Очередной поиск привел ее к чьему-то электронному дневнику – блогу.

5

«Бесцельность замедляет шаг. И еще, может быть, безнадежность. Мы идем вместе, не стремясь никуда пойти, может быть, думая в мыслях, что лучше было бы не доводить до этого, не идти теперь вместе, томясь молчанием, а оставаться в том своем, родном мире, где слова льются, льются легко, потому что ничего не меняют, потому что заранее очерчены рамки возможного, рамки изведенного, актуального, потому что важнейшая особенность всего своего - его неизменность при горячем стремлении все изменить, и корящаяся глубоко, под диафрагмой, горечь знания того, что ничего не изменится, и сладкий уют от этой мысли - нам с тобой безнадежно, нам с тобой хорошо, ничего не изменится, несмотря на все словесные порывы, несмотря на пластическую готовность к пуанту, к взлету, к кружению, кружению головы, но тяжесть зимнего неба надежна, уютна, тяжела. Здесь - все иначе. Мы проходим под стеной, с которой струятся волны водорастущего мха, и журчат струйки сочащейся воды, и мимо храма с конным памятником вступаем на мост, вдоль которого привязаны кони, ослики и мулы, над свинцовой ленью реки. И потом - тот, такой любимый, угол, где сходятся вместе - синагога, мечеть, армянская, грузинская и русская церкви, как свобода сна, свобода любви к краям, которых не существует, но которые должны были бы быть. И то что мы проходим этой тбилисской сказкой вдвоем с тобой, тобой, которая невозможна и не должна была бы идти рядом со мной, ощущение могущества сна только крепнет. Сумерки. Осень. Ты высокая, тонкая, юная, с прозрачным лицом, соболиными бровями, и волосы твои стянуты мусульманским, ажурным, белым платком. Нервная настороженность. Чуть заметное отклонение от вертикали - в сторону от меня, чуть заметное напряжение, преодоление ветра - когда поворачиваешь лицо, отвечаешь на мои вопросы, вежливо, бесстрастно, артикулированно. В меру развернутые ответы на мои вопросы. У тебя вопросов ко мне нет. Чувствуется, что ты из очень хорошей, культурной городской семьи, твое русское безупречно и слегка англоязычно, что придает ему оттенок особого аристократизма. Ты говоришь - нет, про тебя говорят! - "молодежь в Азербайджане выбирает ислам в знак протеста"... Культурная революция. Ты совершила тихую культурную революцию. Может быть, твои родители, советские люди, против, может быть и наверно тебя не понимают многие друзья, однокурсники, и думают, что понимают как раз те, чье понимание тебе совершенно не хочется. Ты одиноко, упрямо, вежливо и артикулированно совершаешь свою молчаливую революцию, быть может, видя в Боге своего единственного друга, а быть может, не думая даже и о нем, просто из всех глубинных, упрямых, чистых сил своих говоря этой окружающей жизни "нет". "Нет" - во имя другого, неизвестного, неопределимого, находящегося в тысячах световых лет от мелких житейских страстей, может быть, ночами ты смотришь на звезды, а может быть, даже они слишком пошлы для тебя, и ты смотришь в некую внутреннюю живую, великую и грозную черноту, в которой живет твой Бог.

А ведь это я обидел тебя - понимаю вдруг совершенно ясно. Это во мне сосредоточено для тебя все то, что побуждает молодежь в Азербайджане к такому вот протесту... Ты не злишься на меня, и не призываешь к ответу. Просто чуть отклоняешься каждый раз от звука моего голоса, поворачиваешь, чуть заметным усилием, ко мне свое прекрасно-отрешенное лицо и вежливо, в меру подробно и добросовестно отвечаешь на мои вопросы. Если бы мы проиграли войну, быть может, я бы носил сейчас на груди серебряный крест, и отвечал бы вежливо и отстраненно на твои вопросы, матовым, непроницаемым взором отвечая на твой ищущий, пытающийся заглянуть в глаза, беспокойный взгляд.

Я помню свой сон, такой яркий - мне снилось, что я Баку. Белый город на берегу моря, и я на роскошном рынке, перебираю прямо на гроздьях превращенный в изюм виноград. Но вдруг меня охватывает тревога, я замечаю, что все люди смотрят на меня странно, и вокруг все начинает стремительно пустеть - и вдруг я замечаю, что одет в белую майку и на ней большими красными буквами написано - Армения. Я начинаю бежать, и опускается вечер, и тогда вдруг из громкоговорителей, расположенных на всех улицах, раздается объявление - "в связи с тем, что в город проникли армяне, обычный комендантский час заменяется *народным*" - это значит, что из каждого дома должны выйти четверо наблюдателей и занять позиции по его углам. И вот они начинают выходить... я бегу, бегу и прячусь в странное деревянное сооружение из многих пустотелых сфер, и во сне знаю, что это сооружение есть бог... В сущности, очень многие именно так и поступили. Тьма. Живая и наполненная присутствием нечеловеческой силы, внутренняя

тьма. А мог бы я под прикрытием этой тьмы уйти с тобой? Мог бы я это для тебя сделать? Отказаться от себя, принять твою тьму, и бродить с тобой вместе по улочкам твоего белого города, под прикрытием великой тьмы? Тогда я бы взял себе имя Али. Оно так похоже на мое. Но еще больше я бы хотел, чтобы ты приехала ко мне. Под ажурным платком тайны ты тогда будешь не одна. Мне тоже не нравится въезжать в свою страну через пограничный пункт, где сидит субъект, задумчиво листавший мой паспорт и сравнивающий мое лицо с фотографией. Он держится так, словно может, после трехдневного отсутствия, не впустить меня обратно. Не впустить в мою жизнь. Тебя-то не впустить он не только смеет, но даже обязан. Права человека? Смешно! Если бы я желал пригласить в Ереван азербайджанца, я был бы обязан от имени какой-нибудь, желательной влиятельной, организации подать заранее заявку в СНБ, где бы мотивировал необходимость твоего приезда какой-нибудь жизненно важной (для кого? для чего?) конференцией. После этого, если бы (и только если!) я получил добро, к тебе бы приставили "сопровождающего" от СНБ, услуги которого - посуточно! должна была бы оплачивать приглашающая организация. Мы бы шли с тобой по Еревану, а сзади - или даже рядом! - тащился бы филер, я уже видел подобное. Мне же приехать в Баку невозможно даже таким способом. Она - мой гость, и я хочу, чтобы она меня навестила - подобная логика, просто человеческая, непредставима для нас. Права организаций иногда и минимально еще могут признаваться (язык не повернется сказать - уважаться, просто нехотя и вынужденно признаваться, поскольку организация - тоже разновидность бюрократии), но права человека, меня, тебя - это по-прежнему какой-то марсианский язык среди нашей жизни.

Так что я хотел бы пробираться с тобой ночью по заветной лесной тропке, опасной и свободной, извилистой, как тонкий капилляр свободы, пробираться вплавь через пограничную реку Дебед, пробираться инкогнито в свою страну. Потому что пока ты не имеешь в нее доступа - я тоже живу подпольной жизнью, я тоже - инкогнито. И в Ереване... мы шли бы моими, нашими тайными тропами, среди людей, которым можно доверять, потому что по всем вопросам нормальной жизни - доверять можно только особым людям, новым, устанавливая с ними тонкие алмазные нити взаимопонимания, любви и доверия, из которых возникает, возникнет в дальнейшем - общество, часть человечества».

6

Автора звали Ара. Лала подумала, что, несмотря на то, что она жила в «армянском» районе Баку и училась в двух школах, где директорами, большинством учителей и учеников были армяне, она никогда не встречала человека с именем «Ара». Среди ее армянских одноклассников были Наира, Вадик, Владик, Яна, Белла, Гриша, Нателла, Сережа, Марина, Гарик, среди учителей – Гарник Самсонович, Ирена Шагеновна, Альберт Аркадьевич, Эрнест Вачеевич. Новому поколению давались менее этнически выраженные имена, точно так же как среди азербайджанцев преобладали мальчики и девочки с такими именами как Гусик, Рафик, Тима, Чина, Джека, Исик, Юська, Ляля, Деля, Кама, Ника, Зюзя. Все старались быть как можно более нейтральными и обрусевшими в те годы. Теперь в моду вошли другие имена – переехавшие из деревень Нагорного Карабаха и других регионов сельские жители были носителями имен с корнями, смыслом и историей. Младенцев все чаще называли мусульманскими именами. Статистика утверждала, что шиитское имя «Али» стало наиболее часто выбираемым родителями новорожденных.

Ей подумалось, что, по существу, азербайджанцы и армяне в советском Баку не очень хорошо знали о культурных корнях друг друга – как те, так и другие видоизменились в этом многонациональном городе. Поэтому для многих армян Баку известие о начале карабахского движения, наверняка, стало причиной удивления и, впоследствии, личной трагедии.

«Ара» – это было что-то новое, по-настоящему армянское. И то, что он писал, отличалось от интернационального советского оптимизма бакинских армян, которых кто-то однажды назвал

«несчастливыми узниками интернационализма», пострадавшими в тот роковой час, когда обычный комендантский час сменился народным по наущению невидимых имперских комендантов.

Лала нетерпеливо открыла следующую запись журнала.

7

Я бы тебя познакомил с Ашхен. Ашхен, ветер, небо, полет! Ей 22 года. И она - ветеран революции. Один из двух лучших журналистов Армении. Но чтобы рассказать об Ашхен... нужно прежде рассказать обо всем, всем, что было, происходит эти последние три года, рассказать, как рождалась, рождается та Армения, для которой твое присутствие - радость, и которая способна быть радостью для тебя. Увидел впервые - под знаменами. Знамена идут всегда впереди, на милицейское оцепление, и либо прорывают его, либо - нет. Предварительный сбор - радость встречи, радость нарастания проникнутой идеей человеческой общности - ты разделяешь эту идею: радость быть в гуще готовящегося, начинающегося действия, которая делает эту мысль реальностью - и мысль меняется за годы, все более приближается к тебе как человеку, ко всему, что ты чувствуешь, мыслишь на самом деле; когда-то она была компромиссом, компромиссом с общностью, с "народом", и теперь - все более становится сама собой, лишенной поверхностной убедительности компромисса - становится все более и более невероятной, а значит, реальной мыслью. Так - знамена: двадцать лет назад их несли героические юноши с артистическими бородками - символ той эпохи, когда я не пожелал бы приводить тебя сюда - потом они же, эти юноши, в камуфляже, на фронте, добровольческие отряды: взгляд прозрачный и отрешенный, облик, надо признать, вполне христианский - именно так я и представляю себе христианство - просветленная отрешенность во имя чего-то, что в конечном счете не жизнь, но жертва ею, нечто, непостижимое принципиально. Но герои последних лет стали совсем другие: юные девушки, Антигоны, невероятно возникшие в самом центре Движения и взявшие свои руки знамя: именно они первыми идут под дубинки, и при этом в них нет ни жертвы, ни непостижимости, не желания продолжить дело в камуфляже и с автоматом в руках: нет, желание радоваться, веселиться, кокетничать, любить, учиться, читать книги, целоваться, ездить по миру, учить языки, радоваться, радоваться, радоваться жизни! Знамена вздымаются: по позвоночнику проходит короткая, холодная дрожь восторга - колонна пошла, и они впереди! Радость, радость свободы: нет мрачной решимости, есть радость жизни, жизнерадостность, свобода под сенью девушек в цвету, кто это тут сказал, что нельзя, кто это сказал, что "пока не закончилась война", война это вы, уроды, это вы хотите, чтобы вечно была война, чтобы сохранить навеки превосходство своего рода, своего жанра, с вечным взглядом исподлобья, трусоватым, вороватым и блуждающим взглядом, полным подлого отчаяния и ложного знания о том, что в этом мире все ложь, и прав тот, у кого сила, кто сумеет выгрызть, вскарабкаться, чтобы затем держать и не пущать, приобрести и не отдавать, и все равно в конце - отдать, отдать все, бежать, забиваться в щели и исходить ненавистью - и находить последнее горькое утешение в мысли - что мы же говорили, что все, все неправда, в том числе сила, хитрость и подлость! И такие мрачные субъекты, клубящиеся в милицейской форме и без - голы и беззащитны перед вами. Когда-то, в эпоху подвижников с артистическими бородками, христианство начинало тут же плавно перетекать в нечто, на мой вкус более близкое мусульманству - "смертнообязанные", с черными повязками на голове, ледяными взглядами, одетые во все черное, элегантные, inferнальные. Смертники, женихи смерти. Свобода или смерть. Теперь - непостижимым образом исчезло "или". Свобода есть, просто есть, и она будет отныне существовать, чтобы вы ни делали, цепные псы, она есть и смотрит на вас не как на врагов, не как на носителей какого бы то ни было смысла, а просто - как на невольников, как на недотеп, как на умственно отсталых. Они не находятся с вами во внутреннем диалоге, они не разговаривают вашим языком, вашим - и ваших образованных лакеев, рассуждающих на телеэкранах и страницах ваших газет о геополитике, национальных интересах, ценностях нации и уроках истории. Мы начинаем совсем другую историю - не историю злобно и мрачно глядящих друг на друга "наций", или, боже упаси, религий, а историю людей, живущих в едином человечестве. Ашхен всегда радостна и воодушевлена: возникновением движения за свободу в Белоруссии, победой народа в Египте, лихим свободолобием Ассанжа, наплевавшего на все

"стратегические интересы" власть имущих. Тем, что пошла на курсы турецкого языка и готовится снимать фильм в Турции. Тем, что мир, на ее глазах, буквально за три года, все более и более начинает становиться ее, родным, понимает все то, что она поняла еще в семнадцать лет. Тем, что и в Баку демонстрации за свободу, а значит и там - есть такие же, как она, такие же, как и мы. Только что вот - прервался от писания, чтобы посмотреть маленький фильм, который они совместно с азербайджанцами сняли в Тбилиси. Тебе нравятся такие фильмы? Мне - нет. Незрячий. Смотрит в окно, курит, потом садится за пианино и исполняет жизнерадостную мелодию. Гуманистический штамп. И что такие два хороших народа между собой не поделили, такие добрые, такие талантливые? Вот как люди страдают, но мы и наши зрители способны оценить доброту, талант и страдательность, независимо от того кто он по национальности. - Добрые? Талантливые? Как бы ни так! Дети, снявшие это вместе, действительно добрые и талантливые, но я вижу ежедневно, вижу по фейсбуку, и лично, как они задыхаются, негодуют против становящейся тотальной, всеохватывающей злобы и бездарности, как мечут слова гнева и презрения ко всему этому, и это, со стороны такое веселое и свободное дерзновение - разве это не есть могущественный всплеск фантазии, созидания того, чего пока нет, и разве сразу не окружают их рожи, формы и дубинки, под недоумевающие взгляды равнодушных прохожих? Это непрерывная часть их жизни. Потенциально любой ребенок гений, и любой - добр. В этом и только в этом смысле, если рассматривать весь "народ" как сборище гипертрофированных детей, то да - любой и добр, и талантлив. А если мы хотим сказать что-то конкретное - мы должны рассматривать не абстрактный народ, а конкретное общество, с его реальным уровнем понимания доброты и свободы, творчества, его смысла и границ свободы, которые согласно терпеть это общество, его верой в носителей творчества, его отношение к ним. И, разумеется, в сущность того, что в данном обществе сходит за творчество. И за доброту. Что-то из всего этого, разумеется, инстинктивно-верно, как бы унаследовано из детства. Что-то поистине высоко-сознательно. Но многое служит просто для популистского удовлетворения ближних, зарабатывания их хорошего отношения к себе. Так что народ... народ, в сущности, и есть настоящая проблема. Тот самый простой человек. Диктатуры всегда апеллируют к народу и к простому человеку, безошибочно зная, что в нем найдут свою верную опору, а революционеры - всегда все усложняют, говорят и возвещают то, что ново, что - поперек шерсти, что чем ближе к правде, тем лучше, а правда в том, что все всегда гнило и никуда не годно, что только сознательным усилием добывается свобода как следствие напряженной работы, борьбы каждого со своими предрассудками, с диктатом социальных инстинктов и культурно-обусловленной неполноценности, что, в сущности, благонамеренное общество должно раз и навсегда запретить всю поэзию, всю науку, все искусство, всю политику, запретить любить, мыслить и общаться, потому что там, где завелась эта зараза - с неизбежностью начинается революция, потому что глаза открываются и становится заметно, что все вокруг - невыносимо и ложно.

Так и живем, так и живем, месяц за месяцем, год за годом впадая во все большее противоречие с окружающей нас действительностью, со страной, с народом, с правительством. Яснее и яснее различая все то, что непоправимо разделяет нас, делая все менее и менее возможным какой-либо компромисс, какое-либо соглашательство. И вот что странно: нас становится не меньше, а больше, люди, события, явления это новой жизни нарастают, она пока не достигла стадии непрерывности, стадии, когда вдруг механизм начинает работать, шестеренки наконец-то зацепляются друг за друга, и машина различий и изменений стремительно берется за дело, вдруг разом меняя оптику, освещенность всей атмосферы, ломая стремительно все то, что отжило, и рождая новую систему связей жизни, воззрений, путей и средств, новый язык и новый воздух. Нет, пока все происходит в условиях почти-останавливающего, почти-парализующего противодействия, но именно это самое почти, именно то, что в этом все ж таки есть повседневная радость преобразования и преодоления - и держит нас вместе, и привлекает к нам новых людей - по одному, даже по половинке, но к нам, а не от нас. Еще три года назад была эпоха глухой внутренней тоски, когда ясно было, что уже все плохо, но казалось - этого не изменить, пока за десятилетия, черепашьям шагом не измениться постепенно сам народ, не начнут становиться несколько более цивилизными рожи, что - притерпимся как-нибудь, приспособимся, авось - пронесет. Но нет, не пронесло, а становилось только хуже и хуже, душнее и душнее, и ясно чувствовался Бог - то, что страна богоспасаема, что она уже давно исчерпала собственные права и способности к существованию, что нелепости и ошибки достигли такого множественного

переплетения, что неразрешимость - имя каждому. И затем - этот черный свет в зимней ночи, круглосуточные митинги Конгресса, где все мы впервые и познакомились, и поняли, что отныне сменилось историческое поколение, и быть сегодня на площади уже значит не то, что двадцать и не то, что десять лет назад, что слово свобода, что действие свобода употребляется впервые, пожалуй, в своем истинном смысле - как свобода для себя, то тайное внутреннее чувство свободы, закрытое в последнем тайнике души - это оно стало вдруг общественной реальностью, оно служит механизмом взаимодействия людей, и к нему перешло отныне многоцветное знамя.

Это еще не страна - границы страны держат еще на замке унылые и мрачные слуги, но это больше не слуги народа, практически никого не находится уже, кто бы их так воспринимал, это - лишь слуги правителей. Это то, чего прежде не было, это - общество. Называть его народом считается уже дурным тоном, рудиментом диктаторского дискурса. Удивительное дело - в детстве, своем советском детстве, я очень любил коммунизм, революцию, и с концом Союза, вернее, еще с расцветом перестройки, распрощался с ними как прекрасной, но несбыточной мечтой, мечтой детства. Сейчас, в отдельных элементах этого, длящегося четвертый год противостояния всему, что само собой разумеется, я вдруг вижу элементы возрождения своей детской мечты. Сейчас нам уже не подошла бы буржуазно-националистическая Марсельеза, призывающая дружно бороться со злыми врагами, а лишь - Интернационал, призывающий бросить оружие, или обратиться против собственных генералов. Нет труда без собственности, и нет собственности без труда - это тоже реально наш лозунг. И кроме того - и сегодня, как когда-то, в легендарные годы, в "границу" бьют пока слабые, но усиливающиеся буквально на глазах волны не только внутреннего, но и внешнего приобая революции, меняется мир. Осознает себя новый век. Новая конструкция мира, желающая родиться, сжимает, убыстряет время. Время мечтать. Время любить. Время верить. Вот куда я хочу тебя позвать, вот с кем познакомить. Но это пока не пространство. Это отдельные клочки пространства, подобного скверу и памятника Сарьяна, подобная естественному амфитеатру у Матенадарана во время митингов, подобного зданию Конгресса, подобному нескольким кафе в центре города, где люди свои и родные, но это пока даже не университеты и центральные площади, и тем более это не тело страны, стремительно поглощаемой и разрушаемой естественным ходом жизни, доверившейся кажущимся самоочевидностям, сроку которым оказалось - менее двадцати лет. И уже в недоумении крутит головой и шевелит неумело - забытой, заскорузлой живой мыслью "народ", задумываясь - так неужели же все то, сложно мечтательное, оказывается в конце концов правдой, а другое, казавшееся железно-непреложным - миражом, нелепостью, ложью? И я жду блеска того момента, когда ты, или подобный или подобная тебе, получит слово на одном из наших митингов, и зазвучит над площадью - колыбелью нашей войны, также и твой голос, как наиболее явное свидетельство того, что наше движение свободы состоялось, когда понесут впереди колонны вместе с нашими флагами - также и ваш, когда ты пойдешь рядом с Ашхен, и возьмешь потом микрофон, и зазвучит впервые твой голос - впервые и для меня, и возможно, для самой тебя. А Ашхен, как я уже говорил, учит турецкий. Думаю - в предвидении именно подобного развития событий.

5

Лала распечатала прочитанное и принесла в кофейню, где ее ждал Самир, отхлебывавший чай из большой американской чашки, которую она ему подарила. Он надеялся поговорить о них, о ее планах, о его месте в этих планах. Но она сразу сунула ему под нос распечатанный текст и пошла заказывать себе кофе. Вернувшись с большой чашкой сладкого кофе с молоком, она увидела, что Самир хмурится, читая. Она отхлебнула и, с энтузиазмом, начала обсуждать.

-- Посмотри, что он пишет, это очень интересно. Ты следишь за событиями в Армении? У них там народ опять вышел на улицы.

-- Да, слежу, - с неохотой ответил Самир.

Лала видела, что ему не приятен этот разговор, не приятно, что она вступила в переписку с каким-то армянином, что читает его тексты, да еще и приносит их для обсуждения с ним. Тем не менее, она постаралась продолжить тему:

--Во-первых, красиво написано. А во-вторых, посмотри, что он пишет о процессах, которые там протекают. О «рожках, формах и дубинках» и недоумевающих взглядах равнодушных прохожих, об эпохе глухой внутренней тоски и десятилетиях, необходимых для того, чтобы рожки стали цивилизными. Тебе это ничего не напоминает?

А вот это – вообще прекрасно: «Рассматривать не абстрактный народ, а конкретное общество, с его реальным уровнем понимания доброты и свободы, творчества, его смысла и границ свободы, которые согласно терпеть это общество, его верой в носителей творчества, его отношение к ним». Это же не только про них, это – и про нас тоже!

Самир молчал, но Лалу это не останавливало:

-- И наконец – самое главное, посмотри, о своей стране, «стремительно поглощаемой и разрушаемой естественным ходом жизни» он пишет, что она была построена на «самоочевидностях» и на казавшемся им «железно-непреложным» мираже, который на поверку оказался нелепостью и ложью, в то время как всякое «сложно-мечтательное оказалось в конце концов правдой». Их уже не устраивает «Марсельеза», они хотят «Интернационал», хотят быть одним целым со своими соседями, со всем миром. Одним словом, там есть люди, которые поменялись, которые хотят мириться.

-- Послушай, ну ты же не ребенок. Конечно, они хотят мириться! Теперь они хотят мириться, когда увидели, что остались вне игры. Что поезд экономического развития уходит без них, огибает их Великую Страну и нисколько не заботится ее существованием. Теперь, когда они получили, что хотели, и хотят большего, они, конечно же, хотят мириться. Я считаю, что нам надо не иметь с ними никаких контактов, оставить все как есть – до тех пор, пока они сами не отдадут награбленное. А пока – пусть хотят. Хотеть не вредно...

Лала смотрела на Самира с интересом. Перед ней сидел другой человек, какой-то новый типаж, не тот Самир, которого она знала, с которым могла часами говорить на разные темы. Ей показалось, что она наткнулась на бетонную стену. Между тем он продолжал:

-- Вот, пожалуйста, почитай новости. Раффи Хованисян призывает к еще большим претензиям на земли Турции и Азербайджана. Мало им было Карабаха. Периодически еще и о Джавахетии заговаривают. Конфликтуют практически со всеми соседями из-за территориальных претензий. Ну как можно договариваться с людьми, которым не живется спокойно? Мало им того, что они изолированы и бегут из своей страны, которую никак построить не могут даже в ее существующих границах. Теперь им еще и «Джавахи» подавай.

-- Ну, то, что некие лица высказываются таким образом, не означает, что все с этим согласны. Вот, почитай новости – перед зданием посольства Ирана в Баку прошла демонстрация под лозунгом «Пусть Азербайджан будет единым, пусть столицей будет Тебриз!» Но это, ведь, не отражает взглядов большинства населения и твоих, например.

-- В случае с армянами, похоже, что отражает. С Карабахом они просто решили ухватиться за «историческую возможность» - момент, когда в кутерьме, хаосе развала Советской империи, можно было заявить о своих правах на «территории». Сто лет назад они так же решили воспользоваться «уникальной исторической возможностью», когда разваливалась Османская

империя, в надежде получить территорию. Отчего и «схлопотали» в зубы. Теперь будет то же самое.

-- Но пока в «зубы схлопотали» как раз не они...

-- Ничего, схлопочут.

-- А потом? Так и воевать до скончания века?

-- А это ты у них спроси. Они же начали игру без правил. Представь себе два светофора на перекрестке, для двух перпендикулярных линий движения. Они запрограммированы таким образом, что если выходит из строя один, то непременно и второй отключается. Почему? Да потому что если один будет продолжать работать в обычном режиме, а второй будет мигать желтой лампочкой, то те, у кого горит зеленый, будут мчаться, не ожидая, что на перекресток может выехать машина. А если они в курсе, то будут осторожно оглядываться по сторонам. Понимаешь? Чтобы избежать столкновения, обе стороны должны действовать по одним и тем же правилам – даже если правило это – не работающий светофор. А у нас с армянами получилось так – мы с ними – по правилам, а они нам – фол!

-- Послушай, ну что ты такой упертый, просто сил нет с тобой разговаривать. Почему надо все время рассматривать ситуацию с позиций «кто прав, кто виноват», «кто сильнее, кто слабее». Почему нельзя просто по-человечески порадоваться тому, что на «той стороне» есть люди, которые мыслят так, а значит, есть просвет, надежда на то, что когда-нибудь мы заживем нормальной жизнью, которая регулируется попытками создать что-то по-человечески прекрасное, направить энергию на искусство, литературу, счастье? Если, конечно, найдем достаточное количество таких же здесь! Ведь жить ненавистью, как это происходит в последние двадцать лет – невыносимо. Нет никаких духовно-интеллектуальных новшеств, находок, творчества. Все закаменело в этой одномерной реальности. Я даже не говорю о политической составляющей – что ненавидящей массой проще управлять. Обрати внимание, что эта ненависть – единственное, что объединяет власти и оппозицию, обе играют на этой теме, как на однострунной балалайке, а народ танцует. Как здесь, так и там.

Несмотря на ее яростные споры с Самиром, Лала знала, что может и сама «заводиться» на подобные темы. Многие годы жизни в Америке, где стычки армян и азербайджанцев стали любимым времяпровождением многих представителей склонной к идеализации образа покинутой родины национальной диаспоры обеих стран, приучили ее к необходимости парировать атаки. Хотя более бессмысленного занятия она не могла себе представить.

-- Что такое однострунная балалайка? Я такого инструмента никогда не видел, -- Самир попытался отшутиться. Он почувствовал, что между ними начинается настоящее противостояние и не хотел давать ему вырасти до ссоры.

-- И не увидишь. Когда закончится все это мракобесие, то на смену ей придут гораздо более сложные инструменты, которые образуют оркестры, играющие симфонии, в которых каждый волен будет выбрать ту часть, которая нравится ему лично. Или вообще не слушать, если так угодно. А сейчас это невозможно. Этот «треньк-треньк-треньк» звучит в ушах денно и нощно, как пытка в камере-одиночке, укрепляется в сознании людей все глубже. Массовый психоз!

--Да, а у наших соседей этот психоз и не прекращался никогда.

--Да перестань ты, наконец, сравнивать с нашими соседями! Сколько можно брать с них пример? Вспомни хотя бы, каким был Баку до начала этих бесконечных противостояний. Разве не жили

здесь спокойно самые разные люди? Разве нельзя представить себе, что похожее время вернется?

-- Я, например, не уверен в том, что хочу, чтобы оно вернулось. По крайней мере, не в советском своем варианте. Азербайджанцы были ассимилированы среди русских, евреев, армян и прочих, стыдились говорить на родном языке. Что в этом было хорошего? Понятие «интернационализм» означало, что говорить о национальных вопросах строго запрещалось. Многие в это поверили, но все ли?

-- А могли ли армяне чувствовать себя в безопасности, когда весь этот насильственный интернационализм закончился?

-- Думаю, что да, если бы не их территориальные претензии. Из азербайджанцев к тому моменту выдавили достаточный запас национализма и исторической памяти, чтобы они не попытались стать моно-национальной страной. Да и с другими живем, в общем-то, мирно. Не забывай, что в Азербайджане проживают не только азербайджанцы. А вот Армения – наоборот – образчик того, как избавиться от всех, кроме своих. То же самое касается и территорий, которые они завоевали – всех вычистили оттуда.

В спорах с Самиром Лалина склонность к компромиссам, натываясь на его категоричность, отвердевала, теряла гибкость. Ее позиция становилась такой же застывшей как его, призванной спорить до хрипоты.

-- Ты противоречишь сам себе. Если азербайджанцы такие толерантные, то почему большинство из них не скучает по старому, космополитичному Баку, а ругает его, как ты сейчас?

-- Потому что истинный космополитизм предполагает, что нет «ни эллина, ни иудея» (хотя история показала несостоятельность этой идеи Святого Павла). А в Баку очень даже разбирались, кто был кем. И в разборках этих азербайджанцы однозначно проигрывали.

К тому же, ни один из так называемых космополитичных городов не выдержал испытания временем. Сараево – самый близкий пример. Всего двадцать лет назад он был колыбелью мирного сосуществования боснийцев, хорватов, сербов, евреев, и многих других (правда, не без помощи сильной руки Тито, но большинство этнических войн начинаются при ослаблении сильной централизованной, имперской власти). Там тоже мирно уживались ислам, христианство и иудаизм, нередкими были межэтнические и межконфессиональные браки.

И что с ним стало? Остались почти одни боснийцы, которые все больше исламизируются. Те же процессы протекают везде. Еще раньше был Бейрут. Еще раньше – Салоники. Все это полетело в тартарары, уступив место четкому разделению между «нашими» и «вашими», чаще всего после ухода сильного лидера или режима и того, как массам была дана возможность выражать свои «чаяния».

Сейчас такое время – мы движемся в сторону от космополитизма. Время того Баку ушло и никогда не вернется. Идет активное конструирование национального сознания. Наши страны-нации проходят через процесс самоутверждения, повторяют опыт Европы периода становления национальных государств в конце 18 века. Тогда эта идея заменила космополитизм эпохи просвещения, и наши страны сейчас проходят через похожий опыт.

Что бы там не говорили армяне о своей древности, опыт собственной государственности у них если и был, то в очень далеком прошлом. Их попытки существовать в современном мире как послесоветская страна, границы которой были определены царской Россией две сотни лет назад,

не намного отличаются от азербайджанских, что и показывает современная феодальная политика в обеих странах.

Да и цивилизованные европейцы – слышала, как начали отрешиваться от ранее декларированной мультикультурности? А в Америке – как не хотели исламский центр открывать на Манхэттене? И как ковыряли подноготную Обамы, пытаюсь доказать населению, что хорошего президента с отчеством Хусейн для их страны не выйдет?

-- Космополитизм, между прочим, берет начало с Сократа и Диогена...

-- Ну и замечательно. Видали мы таких «беспаспортных бродяг в человечестве». Оплати кредитной картой 67 долларов (а еще лучше – попробуй оплатить в тугриках или манатах) и получи паспорт Гражданина Мира, посмотрим, далеко ли ты с ним уедешь. Между прочим, за твоей «грин-картой» стоит самая сильная армия мира, вполне реальная.

На Лалу напало знакомое чувство безнадежности, когда хотелось убежать куда-нибудь, засунуть голову в щель, под одеяло, запереться в темной комнате, пока безумие, как туча, не пролетит над головой. Она решила сменить тему:

-- Ладно... Кстати, о космополитизме, толерантности, любви к ближнему своему. Я недавно прочитала одно стихотворение. Там есть такая строка: «Нежность – близорука, жалость – дальнорюка». И еще – такая: «Нежность – от избытка, жалость – от бессилья». Ты понимаешь, что это значит? Когда любишь, то тебя переполняет нежность, от этого избытка ты становишься близоруким, не видишь, что там, далеко впереди – только сегодняшний день, его счастье переполняет тебя. А жалость – это ощущение человека, бессильно опустившего руки перед лицом грубости, несправедливости, несчастья, который плачет о невозможности ничего изменить. Многие путают любовь с жалостью, а это ведь совсем разные чувства. Когда любишь – уважаешь любимого, и нежность переполняет тебя. А когда жалеешь, то, как бы, снисходишь до него, тут уж не до уважения.

-- И что, ты меня любишь или жалеешь?

-- Да причем здесь ты? Я – о другом. То же самое, как мне кажется, происходит с толерантностью. Толерантность – сродни жалости, она не предполагает уважения. Толерантность – это терпимость. А вот принятие, более того – «приятие» другого, это – когда он тебе приятен, несмотря на свою «чуждость», «инось» потому что ты даешь ему такое право – быть другим, не отнимая у него права на любовь.

--Ну, все это – семантика. Невозможно заставить себя почувствовать приязнь к тому, кто тебе неприятен, так же, как нельзя полюбить того, кого не любишь.

--Правда, но избавиться от предубеждений – можно. Постараться понять, что лежит в основе личности, верований человека, какие им движут ценности – можно. А там и до приязни не далеко, ну как минимум это шаг в сторону от ненависти... Вот чего всем нам не хватает, нашему человеческому племени. Нежности.

--All we need is love. Пам-парам-парам. All we need is love. Пам-парам-парам.

--Перестань калечить Битлз. Ты поешь ужасно.

--Ах, а вот и они – любовь, нежность и всепрощение. Что же ты не промолчала, чтобы не ранить мои чувства своими оценками?

--И то правда. Прости.

--Я обещаю тебе, что этот разговор о толерантности мы продолжим за чашами грузинского вина. Я взял сегодня отгул не для того, чтобы вести эти беседы на голодный желудок. Пойдем, сожрем чего-нибудь или кого-нибудь? -- спросил Самир в своей обычной манере.

--Пойдем, сожрем.

6

В «Тбилисо» в будничный обеденный перерыв было слишком много народу, и ждать свободного столика пришлось бы слишком долго. Они зашли в находившийся поблизости кафетерий «Старый пень», на первом этаже бизнес-центра, в котором располагались офисы нескольких западных нефтяных компаний, сотрудники которых спускались туда пообедать. Посторонние же могли отведать корпоративных яств из «буфета» за десять долларов. На выбор предлагалось около десяти видов салатов, столько же горячих блюд и десертов.

Запуганные менеджментом молоденькие официантки в коротких черных юбочках и белых рубашечках, которым, по слухам, регулярно задерживали выплату зарплаты, сновали между посетителями, нефтяными секретаршами и бюрократами среднего звена, накладывавшими в тарелки разноцветные высокие горки и покрикивавшими на девушек, оказавшихся по стечению обстоятельств, или по незнанию английского языка, на обратной стороне столиков с белыми скатертями. В кафетерии играла на большой арфе грустная женщина средних лет в черном вечернем платье.

Лала вспомнила, как однажды посетивший Баку старый американский знакомый встретился с ней в «Старом пне» на обед и был несказанно удивлен присутствием арфистки. «В Америке только в очень дорогих ресторанах можно было бы услышать арфу», сказал он со смешком.

«Для того, чтобы в Америке нелегальный мексиканский эмигрант-подросток, не говорящий по-английски, нажимал на кнопки проигрывателя пластинок, ему нужно было бы заплатить больше, чем этой женщине с высшим музыкальным образованием и дикивинным инструментом. Дешевая рабочая сила привлекает инвесторов. Таковы законы глобальной демократии», - с иронией ответила она.

Под звуки арфы и заглушавший их звон тарелок, Лале стало не по себе. Ей хотелось поговорить с арфисткой, узнать, каково ей играть день за днем на своем экзотическом инструменте посреди жующих, толстеющих год от году молодых людей, которым явно не было никакого дела до ее исполнения.

Из эстетического удовольствия, которым были ее с Самиром посещения грузинского ресторанчика, поход в «Старый пень» превращался в банальное поедание не в самой приятной компании, что было ей совсем не интересно. Самир внимательно разглядывал аппетитные кусочки мяса, свернутые рулончиками с овощами в томатном соусе.

-- Нравится? – спросила Лала.

-- Да, выглядит неплохо, если с рисом – вон тем, с шафраном. И супу горяченького съел бы – там, кажется, есть грибной и борщ. А ты уже выбрала?

-- Нет пока... Тебе не кажется, что здесь слишком шумно?

--Терпимо... Ты хочешь уйти?

-- Да, хочу. Но если ты уже настроился на рис с шафраном...

-- Нет-нет, пойдём, если тебе не нравится. Тут еще эта музыка на нервы действует.

Лала и Самир вышли на улицу, где дул теплый мартовский ветер. Южный ветер назывался Гилавар, а северный, холодный – Хазри, она знала это от отца.

Весна была уже везде – в запахе набухавших почек, которые должны были скоро распуститься в яркие, блестящие, нежно-зеленые листочки, цвет которых повторится только через год. Лала знала, что вернувшись в Америку, будет писать их маслом – эти маленькие листочки на тонких, гибких веточках, дружно поворачивающиеся белыми животиками к солнцу во время сильного ветра.

-- Давай перекусим какими-нибудь булочками или пирожками и пройдемся по Бульвару, – предложила Лала, которой очень захотелось увидеть море, веселые солнечные блики на его поверхности, почувствовать его запах нефти. – А вечером поужинаем где-нибудь в душевном месте. Только не забудь, что я приглашаю, так что выбор места – за мной.

Она вдруг отчетливо ощутила свое расставание с этим теплым ветром, с веселым морем, отражавшим бирюзовое небо, с пыльными улицами, с парковыми скамейками, усталыми кожурой от семечек, с заплыванными лифтами. Все это откладывалось в копилку памяти, своеобразную коробочку, где редко проводилась уборка и лишь случайно, время от времени, знакомый запах или звук могли вырвать один из плотно сложенных листочков и поднять его вверх, играя и глумясь.

Лала и Самир подошли к прилавку магазина, где красивыми рядами были выложены изделия выпечки. Здесь было на чем остановиться голодному глазу. Они с удовольствием набрали кулечек вкусностей и вышли на улицу.

Тут Лала заметила древнюю старушку, молчаливо жавшуюся к двери магазина. Ее маленькая, тощенькая фигурка, завернутая в несколько плащей и жакетов и опущенный в землю взгляд вызвали в Лале приступ такого сострадания, что из глаз брызнули слезы. Она всегда щедро одаривала на улицах русских бабушек, которых со временем становилось все меньше – каждый год отдалявший город от Советской эры, беспощадно расправлялся с сотнями призраков своего прошлого.

Многих из них она знала в лицо, со многими разговаривала и знала их истории, часто похожие – после десятилетий служения советскому государству в надежде на обеспеченную им пенсию, они оставались одни в новом мире, где каждый был за себя, а за них – никто. Детей, если они и были, раскидало по странам СНГ, маленькую пенсию задерживали и облагали податями работники СОБЕСов, и они выходили на улицы – пряча глаза, стараясь быть незаметными на людных улицах, вопреки своей миссии собрать хотя бы немного денег.

Лала подошла к бабушке, комок в горле и сжатая купюра в руке, и, как можно деликатнее, спросила «Я могу Вам чем-нибудь помочь?» Женщина, которая выглядела старше всех тех, кого доводилось видеть Лале на улицах с протянутой рукой, посмотрела на нее запавшими серыми глазами и попросила купить ей пирожок. «Кушать хочется», сказала она дрожащим голосом.

Лала не могла поверить, что всего лишь в двадцати метрах печально играла арфа, и горы еды оставались на тарелках невостребованными. Она отдала старушке кулек со сдобой и сунула деньги ей в карман. «Спасибо, родная. Храни тебя Господь», - сказала старушка, потом разглядела купюру и расплакалась. «Ой, спасибо, спасибо, чох саг ол*, чох саг ол. Пойду домой, не надо больше здесь стоять», запричитала она и пошла в сторону дороги, но не смогла спуститься с высокого тротуара и Лала с Самиром подошли ей помогать. Оправдываясь за свое незаслуженное могущество перед этой слабой, ветхой женщиной, Лала сказала: «Как все это несправедливо. Вы ведь, наверное, всю жизнь прожили, проработали здесь ...»

«Я здесь родилась. Мне 90 лет. Я сорок лет проработала на фабрике мороженого», - ответила та. «Отец мой был офицер, приехал сюда по службе, турка гнать, когда азербайжане просили, просили им помочь. Мы с азербайжанами хорошо жили, дружно... Аллах, Аллах», - благодарно добавила она для пущей убедительности и пошла, не оглядываясь, через дорогу. Наверное, решила, что черноволосая, черноглазая Лала была мусульманкой.

«Она, кажется, не знает, что турецким офицерам, с которыми воевал ее отец, поставлен большой памятник в Нагорном Парке». Теми самыми «азербейджанами», которые «просили о помощи», - сказал Самир.

«Времена меняются», - ответила Лала.

Она думала о том, что во фразе «турка гнать» было сведение целого народа к единственному числу, которое часто использовалось враждующими сторонами в отношении друг друга. «Немца гнали до самого Берлина» - популярная советская фраза.

После этого они шли молча.

6

Вечером Лала первым делом зашла проверить журнал Ары. Новых записей не было, но ей захотелось написать ему.

«Здравствуйте, Ара. Прочитала Ваше письмо миру и очень захотелось ответить. Много в нем того, с чем хочется согласиться. Много и вопросов. Я рада за Вас и Вашу новую азербайджанскую знакомую. Конечно, жаль, что Вы не можете пригласить ее в Ереван. Жаль, что сами не можете приехать к ней в Баку.

Как я согласна с Вами в Ваших оценках! Как пригодились бы они и моим соотечественникам, выражающим недовольство доступными им способами – активным протестом, тихим уходом в себя или отъездом из страны. И этот взгляд исподлобья нам очень хорошо знаком, и рассуждения о геополитике, национальных интересах, ценностях нации и уроках истории. Читая Ваши строки, хочется верить в то, что свет в конце тоннеля все же есть.

И все же, все же – как много в Армении людей, готовых пересмотреть свой взгляд на собственную историю? Мне не хотелось бы сейчас вступать с Вами в полемику по поводу конфликта между нашими странами (тем более, что я без конца полемизирую на эту тему со своим другом Самиром), но хочу поделиться с Вами видением из Баку того, что произошло между нами. Вы, конечно, вправе не согласиться и я буду рада выслушать Вашу точку зрения.

Это, конечно же, обобщение, но для азербайджанцев стремление армян, во что бы то ни стало отобрать Карабах, все эти территориальные претензии на тему «Великой Армении», помимо всего прочего, стали проявлением чудовищного предательства. Словно они, глупцы, поверили в

сказочку про интернационализм и дружбу народов, а армяне все эти годы организовывались, планировали и, как только возникла подходящая возможность, «нажали на все кнопки», чтобы отобрать эту землю, которую многие азербайджанцы считают колыбелью своей культуры и истории, так же, как и армяне. Реакция, которая последовала, была, помимо всего прочего, и обидой на внезапность, за которой скрывалось, как многим здесь кажется, коварство. Словно горячеголовый жених уличил свою невесту в неверности и понесся на полном скаку рубить головы, без разговоров. Тут подключилась ее родня и такое началось... Да, конечно, если невесту порасспросить, то наверняка окажется, что все не так просто и что она давно имеет зуб на своего полигамного возлюбленного, но процесс уже пошел и головы летят с обеих сторон. Как теперь все это остановить?

С уважением,
Лала»

Автор закрыл возможность оставлять комментарии, и Лала смогла лишь отправить ему частное письмо. Нажав на соответствующую кнопку, она стала с нетерпением ждать ответа.

Ответ пришел почти незамедлительно. Чувствовалось, что три страницы текста были написаны автором на одном дыхании. Видно, задело его за живое:

«Такс, такс, такс. Этот момент все же тоже придется рассказать. Долго замыслили, и потом нажали на все кнопки. Сушая правда. Я сам. Еще в детстве. Нет, я вообще, пожалуй, услышал слово Карабах только когда все началось, и не испытывал никаких дурных чувств к Азербайджану. А в детстве - в том первом, сознательном возрасте, лет в 14, когда вспыхивает первый интерес к устройству, конструкции жизни, я повадился читать Конституцию СССР. Особенно мне нравилось устройство Верховного Совета, с его квотами депутатов - по 32 от союзной республики, 11 - от автономной, кажется, по 4 от АО и по одному - от нац. округов. Это в Совете Национальностей, а в Совете Союза - пропорционально населению. Мне особенно нравились при этом автономии, надо же, автономии, а совсем как маленькие государства, и имеют право голоса и решения в Верховном Совете СССР! Карабах был слишком маленький, я особенно полюбил - Тувинскую АССР, Каракалпакскую АССР, Коми-Пермяцкий и Эвенкийский автономные округа. Обвел их контуры в огромном, подробном атласе СССР, тщательно изучал представленные там данные о населении, промышленности, природе. Представлял, что они мои, точнее, что мне надо "играть" от их имени, вероятно, в Верховном Совете СССР. И выборы себе представлял. Кстати, в выборах я уже участвовал. Советских. Нам, школьникам, вручили красный ящик, бюллетени и послали - без сопровождения взрослых, что теперь весьма удивительно, но это так - обходить квартиры и проводить на месте голосование. Я звонил, и очень внушительным, официальным (по крайней мере, на мой взгляд) тоном предлагал "гражданам" проголосовать, то есть - вычеркнуть в бюллетенях одного кандидата и оставить другого. До сих пор дивлюсь, что эта история не имела никаких - вообще никаких! - последствий. Ведь, как вы понимаете, вычеркивать кандидатов в советском голосовании было не принято. То есть "избиратель", конечно, вполне мог это сделать, но желающий поступить так - скорее всего просто не пришел бы на выборы, это было необязательно. Думаю, когда мой ящик с бюллетенями потом вскрывали и обрабатывали в школе, вычеркнутые бюллетени просто-напросто выбросили подальше, как испорченные, чтобы не поднимать всяких там историй с КГБ, райкомами а то и чем повыше. Вполне возможно, даже наверняка, они обязаны были придать нам сопровождающего из взрослых официальных лиц, и просто поленились это сделать, и теперь сочли благоразумным все это просто скрыть. Как бы то ни было, я вершил выборы. "Граждане" заметно изумлялись, когда слышали что кого-то надо вычеркнуть, но

вычеркивали, раз уж такой на этот раз, видимо, порядок. Каринэ, бывшая со мной, пребывала в очень и все более веселом расположении духа, дошло до того, что когда мы приближались к очередной двери, она начинала корчиться от беззвучного смеха и сгибаться пополам, так что я зажимал ладонью ее ротик, обхватив ее сзади. Очень приятно было обхватывать ее трепещущее тело и прикасаться ладонью к губам, она выгибалась тогда, поворачивала ко мне лицо, и глаза ее смеялись. Revolution is love.

Конституцией мне удалось заинтересовать друзей-одноклассников, Диму и Айку. Мы стали представлять себе возможные коалиции и фракции в Верховном Совете, кто за кого будет, кто за нас, а кто - нет. Прибалтику мы, обычно, считали за нас, Грузию тоже, а Азербайджан, боюсь что, нет. Интродукция этой темы облегчалась тем, что наш, не слишком дружный, класс тогда был разбит на фракции, причем сразу по двум признакам - во первых, кто в классе "туз", основными противоборствующими претендентами были Адам и Рубо, а во-вторых - кто за Англию, а кто за Аргентину. Только что произошла Фолклендская война, и мнения разделились. Тигран стал воплощать собою Аргентину, а Айка - Англию. Остальные выбрали себе страны по вкусу, и записались в один из противоборствующих лагерей. Если между группами соперничающих "тузов" происходили квазисерьезные квазиразборки в туалете, то между англо-аргентинцами - веселые командные потасовки на перменах. Впрочем, однажды Тиграна даже серьезно помяли, так что он не на шутку на всех обиделся. Каждый, кто участвовал (наиболее прибалтенная часть класса - нет, они же были "серьезные") завел себе книжечку, на которой был прицеплен герб и флаг "его" страны, а внутри - клеена вырезанная из географического атласа карта. Я был Швецией, а Дима Швейцарией. Мы никого не поддерживали. Всегда они так, нейтралы! - с гневом произнесла в наш адрес Каринэ (та самая) на одном из комсомольских (!) собраний.

Таким образом, мы были поколением, охваченным, мечтающим - о политике. Так было в дальнейшем в институте, так было в армии. Сортамент это политики был самым разнообразным - и блатным, и конституционалистским, и административно-процедурным, и пионерско-комсомольским, и - в армии особенно - националистическим, советская армия и была организована по принципу "землячеств". Это были игры, пока не пришел восемьдесят седьмой год. В восемьдесят седьмом году стали происходить выборы. В творческих союзах. Первым рухнул незыблемый председатель союза Писателей Вардгес Петросян, верный служака властей. Были несколько дней жаркие дебаты, даже попавшие на страницы прессы, было выдвижение нескольких альтернативных кандидатур, формирование мандатной комиссии, массовое вчитывание в никогда доселе никого не интересовавшие параграфы устава союза писателей, были сорящие и договаривающиеся между собой фракции, были бюллетени, подчеркивание одних и вычеркивание других кандидатов, и - первое (и одно из последних, повидимому) - видимое воочию чудо выборов, когда всеильный падает, а доселе угнетаемый торжествует. Игры кончились. Политика стала способом изменять реальность.

Первые демонстрации не были за Карабах. Они были за экологию. Тогда экология была самым болезненным вопросом в маленькой по размерам стране, подвергаемой усиленной индустриализации. В арсенал политики, кроме выборов, входил еще один элемент, который доселе юноши и девушки, вроде меня, могли встретить только в книгах - демонстрации, и не те, первомайские, и даже не те, 24 апреля, которые к тому периоду стали вполне согласованными с властями, а совершенно новые - демонстрации требования и протеста. И вот на этом фоне я впервые и услышал про Карабах - про то, что сессия обсовета НКАО приняла решение ходатайствовать перед Верховными Советами Азербайджана и Армении о

переходе НКАО из состава Азербайджана в состав Армении. Это было круто! Нет, вовсе не переход из Азербайджана в Армению, хотя и это было приятно - что у кого-то появилось такое, а не скажем, противоположное желание - а само решение облсовета НКАО, как новая блистательная демонстрация оживления политики, вовлечения в нее тех самых Советов, вплоть до Верховного СССР, тех самых автономий, тех самых коалиций и фракций, совместно с демонстрациями, с перевыборами провластного Кеворкова! А в ответ был Сумгаит. Ну что еще Вы хотите знать, Лала, отчего и почему? Земли, неверная невеста и ревнивый жених... А что, у вас при разводах не ходят в суд, не ссылаются на законы? Кинжал сразу хватают? Горячий мол? А после того, как хватают - неужели же так прямо и не судят, за покушение на убийство, так и говорят, понимающе качая головой - горячий, мол, был? Полагаю, что подобный образ мыслей невыгоден Вам лично, как женщине.

Впрочем, недостаток подобных объяснений в том, что они представляют ситуацию значительно более односторонне, чем она есть. Ведь, говоря политика, мы одновременно можем иметь в виду две весьма различные, и взаимоисключающие вещи. Я бы назвал их - легитимизм и волюнтаризм. Политика, о которой я рассказывал - это легитимизм. Та же, которая привела к войне - волюнтаризм. он включает в себя как войну, так и разговоры, либо переговоры, о мире. Очень-очень скоро, вскорости, я сам стал один раз участником подобных переговоров. То было лето девяностого года, и мы собирались с друзьями в Вильнюс. Накануне мы проголосовали на выборах в Верховный Совет. В Вильнюсе должен был иметь место некий съезд демократической молодежи, в котором мы попутно решили принять участие. Впрочем, друзья мои где-то отклонились по дороге на несколько дней (кажется, решили сперва заехать в Эстонию), и получилось, что на съезде я оказался один. И там была азербайджанская делегация. Весьма серьезная, по сравнению со мной. Возглавлял ее взрослый, серьезный человек, член НФА - не помню, к сожалению, как его звали, буду называть Али - люблю это имя, и мне понравился этот человек. Как только я увидел азербайджанскую делегацию, во мне сработали мои "шведские" рефлекс, и объявил, под горячее одобрение окружающих, что я желаю вести переговоры с азербайджанской делегацией. О чем - я в этот момент решительно не представлял, просто рефлекс - азербайджанцы-переговоры. Али согласился, и мы сели в чьем-то номере. С самого начала он раздраженно отверг мое предложение поговорить о Карабахе, сказав - я не собираюсь теперь обсуждать сказку про белого бычка, чей на самом деле Карабах или чьим он должен быть, у нас с вами есть намного более неотложное и важное дело - начинается война, и пока что возможно это предотвратить. В январские дни в Баку... я спасал армян. Я вырывал их прямо из рук у толпы, а рядом безучастно стояли советские солдаты. Я кричал им, срывая голос - что вы делаете? почему вы стоите и смотрите? но они даже не реагировали. Я забыл про день и ночь, дом и семью, я метался по городу, пытаюсь остановить этот кошмар. А потом они вошли и стали крушить всех подряд, людей, никак не связанных с погромами, я пытался остановить эти танки грудью, рвать их руками... Теперь все продолжается и усиливается. Теперь уже на границах. Вдоль всех границ, фактически, уже идет война. "Армянская национальная армия" нападает где вздумает, все приграничные районы Армении под ее контролем, ваши власти там ничего не контролируют. Мы должны, вы должны остановить это безумие. О Карабахе тогда найдется время поговорить. Неужели все так плохо? И что теперь делать? - думал я. Какой прекрасный человек, бросался на толпу, на танки, спасал людей, а у нас почему-то считают, что НФА и был организатором погромов.

Стоявший в номере телевизор, к счастью, тут же стал выдавать ответ: сообщали итоги наших выборов, по которым Армянское общенациональное движение пришло к власти. Первым его

действием стало разоружение "Армянской национальной армии". Я смотрел, со смешанными чувствами, как новая власть объявила в Ереване комендантский час, как броневики - что, неужели это уже НАШИ броневики? - решительно двинулись штурмовать штаб-квартиру АНА, которая, не дожидаясь того, сдалась. Нда, АОД пришел к власти... задучиво прокомментировал Али. Приход к власти НФА, двумя годами позже, ознаменовался крупным и успешным наступлением азербайджанских сил на карабахском фронте. Мы написали с Али воззвание, где призывали к миру и предотвращению войны. Я отправил его в Ереван, где оно было напечатано в одной из аодовских газет.

Эта встреча оставила у меня стойкое, непроходящее чувство дискомфорта. Мне до сих пор кажется, что если мы хотели предотвратить войну, не ту, которая шла и которая заглохла, а ту, которая разразилась годом позже - мы должны были обсудить Карабах. Или, что еще лучше, Али должен быть обсуждать с карабахцами Карабах. Я - сторонник легитимистской политики, меня интересуют конституции, декларации прав, выборы, голосования, демонстрации, обсуждения, толкования, анализ, синтез, конструирование выходов, права собственности, контуры будущего социального устройства... установление правил и развертывание коммуникации в их рамках, и разумеется, разумеется, любые действия сверх этого, если только они являются осуществлением всего этого.

Волны волонтаристкой политики захлестнули постепенно мою страну. Политики во имя высших целесообразностей, сиюминутных желаний, национальных мифов и даже - нетерпения сердца, желающего исправить все и немедленно. Но и легитимизм не умер. Нынешняя оппозиция, включающая в себя, как наиболее весомый элемент, тот же самый АОД, легитимисткая по своей сути и методам. И я по-прежнему надеюсь, что увижу однажды на экране броневики, возвращенные служению Праву. Полагаю, в таком виде они намного менее опасны - в том числе и для вас. Кстати, как насчет ваших броневиков? Нет желания добиться того, чтобы даже я, даже житель Карабаха стали их считать в каком-то смысле своими, подобно тому, как молчаливо одобрял Али миссию броневиков АОД летом 90-го?»

Было уже поздно, но Лала решила отправить ответ сразу же:

«Спасибо за скорый ответ, Ара. С большим интересом прочитала то, что Вы написали, хотя, должна признаться, Ваши письма к подруге из Баку были написаны немного в другом тоне. Извините, если своим письмом я нажала на какие-то болевые точки. Когда нам не комфортно, мы первым делом бросаемся к устоявшимся формулам и моделям поведения.

Многое из того, что Вы пишете, определено той информацией, которую Вы получаете из наиболее доступных источников информации и из непосредственного окружения. То же самое происходит и со мной. Как бы ни хотелось мне быть абсолютно объективной, на мои взгляды влияют как мои источники информации, так и общественные настроения.

Мне не хочется сейчас начинать мелочные «разборки», от которых никому не будет никакой пользы. Из этого может получиться лишь спор о фактах, которые разным людям представляются разными, а уж враждующими сторонами – полностью противоположными.

Так мы и будем спорить – безрезультатно. «Ваши» – о Сумгаите в ответ на выборы, а «наши» – о том, что до Сумгаита был Аскеран и десятки тысяч беженцев из Армении. «Ваши» – о погромах в Баку, а «наши» - о том, что, даже по утверждению нашего с вашим соотечественника (так уж получилось) Гарри Каспарова, они были организованы советскими спецслужбами. «Ваши» – о

тувинцах и эвенках, а «наши» – о том, что, в отличие от них, армяне самоопределились в рамках установленных географических границ. «Ваши» – о легитимизме и Праве, а «наши» – о четырех резолюциях ООН. И так далее, и тому подобное.

Все это мне абсолютно отвратительно. Тем более отвратительно, что погромы происходили если и не на моих глазах, то уж точно на моих ушах – рассказы моего отца о том, как он прятал у себя в мастерской армянских соседей, как еще задолго до январских событий выходил прикрикнуть на молодчиков, сорвавших с дома указатель с названием улицы имени Сурена Осипяна, истерический плач в телефонной трубке моей одноклассницы, впоследствии эмигрировавшей в Израиль, о том, что у нее во дворе толпа избивает старика, а звонки в милицию ни к чему не приводят... Эта толпа представляла не меньшую опасность для меня, чем для тех, кто попался в руки этим бандитам. Это – к Вашему упоминанию кинжалов, как способа решения споров, который, судя по развитию событий во время войны, был свойствен в равной мере субъектам с обеих враждующих сторон.

Ничего более отвратительного, чем война, я не могу себе представить. И все ее участники мне одинаково противны. Я – не политик, я – художник. Мне просто хочется мира.

А что до броневиков, то мне так кажется, что начинается все не с них. Ими, к сожалению, все заканчивается. А начинать надо с малого – с того, чтобы попробовать представить себя на месте стороны, с которой ведешь спор, по-настоящему влезть в ее шкуру, какой бы непривлекательной она не казалась.

Если хоть малой прослойке из числа наших с Вами соплеменников это удастся, то у современных географических образований под названием «Армения» и «Азербайджан» есть шанс выкарабкаться из этой безумной истории. Хотя, честно говоря, мне эта затея кажется безнадежной и бесперспективной.

Как Вы сами писали: «по всем вопросам нормальной жизни доверять можно только особым людям, новым, устанавливая с ними тонкие алмазные нити взаимопонимания, любви и доверия, из которых возникает, возникнет в дальнейшем - общество, часть человечества».

Лала.»

Ответ Ары был коротким: «Вот – ссылка на сайт международной организации, которая приглашает желающих принять участие в миротворческом проекте. Не хотите поехать в Тбилиси и озвучить там свои тезисы в компании Ваших и моих соотечественников?»

7

Перспектива поехать в Тбилиси очень вдохновляла Лалу. Это как раз то, что ей было нужно сейчас, в момент раздумий над тем, где жить, что делать дальше с собой, с мамой, и даже с Самиром, который все чаще спрашивал ее о дальнейших планах и иногда, полушутя, заговаривал о том, что статус-кво их взаимоотношений его не устраивает.

Ей нужно было поменять обстановку, избавиться от ощущения стагнации. Правда, перспектива быть втянутой в очередную НПО-шную миротворческую авантюру мало ее привлекала, хоть ей и было интересно переписываться с Арой. Она ответила ему, что сообщит организаторам об окончательном решении в указанный срок.

День был пуст, не было никаких планов, и Лала решила пройтись по недавно построенному Музею Современного Искусства. Там было тихо -- не было ни одного посетителя, кроме нее, но он

изобиловал элегантными охранниками в наушниках (в отдельной комнате музея были выставлены несколько подлинников Шагала, Дали, и Пикассо) и симпатичными кураторшами в строгих костюмах.

Лала бродила между картинами, написанными азербайджанскими художниками разных поколений, впитывала безумную энергию, исходившую с их полотен. Веселые раскосые чудовища потрясавшие гениталиями над крышами восточного города, сменялись меланхоличными, пассивными женскими фигурами, чьи черты скрывало изображение художника. В библиотеке нашелся каталог с перечнем работ и биографиями авторов. География мест, где они получали профессиональное образование, менялась от поколения к поколению. Ленинград, Киев, Тбилиси сменялись названиями городов в Италии, Франции, Австрии. Новые работы казались ей более отшлифованными, но в старых было гораздо больше жизненной силы. Многие художники советского поколения жаловались на отсутствие в «новом времени» материальной поддержки от государства, существовавшей в годы их молодости. Это были те же самые люди, которые в советские годы жаловались на отсутствие творческой свободы. Но, судя по брызжущей из работ, датированных самыми «махровыми» годами, энергии, напряжение, рожденное противостоянием с официальной идеологией, вкупе с гарантированным государством куском хлеба, позволяло, нет, заставляло, творить чудеса.

Нагулявшись по музею и зарядившись от картин необходимой реформаторской энергией, Лала отправилась домой с намерением сообщить Аре и организаторам о своем согласии участвовать в миротворческом проекте.

В дороге ее поймал звонок Самира, который заявил, что ему непременно надо увидеться вечером, после работы. Они договорились о встрече в итальянском ресторане. За три часа, оставшихся до времени встречи, Лала переделалась, рассказала маме о своем походе в музей и написала письмо Аре.

Самир уже ждал ее за столиком, хотя пришла она вовремя. Он задавал свои обычные вопросы и шутил, но пальцы его нервно дрожали. Потом он, с видимым усилием, заговорил о том, зачем ему нужно было срочно увидеть Лалу.

-- Слушай, я даже не знаю, с чего начать... Ты же знаешь, у меня очень традиционная семья, и я – старший сын, в общем, на меня уже давно насаждают с вопросами продолжения рода... И вот сейчас, опять, очередной кризис, нашли кого-то, говорят «из хорошей семьи», уговаривают, у мамы поднимается давление. Но дело не в этом, тут как раз ничего нового нет... Дело в том, что я почувствовал, что у меня другая реакция на разговоры на эти темы, я уже не злюсь, не раздражаюсь, как раньше. Я не знаю, что это – может старость надвигается, -- засмеялся он, -- но мне хочется, чтобы у меня был свой дом, очаг, женщина, с которой я хотел бы прожить остаток жизни, дети. Вот ты, например, ты хочешь иметь детей?

Лала задумалась. Это был один из самых важных вопросов ее жизни, который заставлял ее просыпаться ночами, но и которого она сознательно избегала большую часть времени. Биологические часы неумолимо тикали, но звук этот заглушался хором мыслей «за» и «против», которые никак не могли прийти к согласию.

-- Сложно ответить однозначно, - начала она, сложив кончики пальцев в эллипс. – Я много думаю на эту тему, и так и не пришла к однозначному выводу... То есть, конечно хочу, в теории. Но помимо того, что я не готова к этому практически – я оставила работу, чтобы приехать в Баку на эти несколько месяцев, да и работа была не бог весть какая – частные уроки рисования для американских малышей - занятие приятное, но не очень хорошо оплачиваемое... Здесь я зарабатываю неплохо, когда картины покупают, но я не хотела бы растить ребенка здесь...

-- Ты в этом уверена?

-- Абсолютно. Если это будет девочка, то ее задавят комплексы неполноценности и гендерные стереотипы. Если мальчик – тоже... Но дело даже не в этом... Я пришла к выводу – вполне осознанному, я много думаю на эту тему – что я не хотела бы приносить в этот мир еще одну душу. Я считаю человеческое существование довольно сложным предприятием и не хочу обрекать еще одну душу на жизнь. К тому же, в мире столько брошенных детей, столько тех, кому моя забота и ласка пригодятся, так лучше я возьму на воспитание такого ребенка, зачем создавать что-то новое?

-- Но неужели тебе не хочется иметь своего, частичку себя – плоть от плоти, кровь от крови твоей?

-- Это же не проект по насыщению моего эго. А любить я могу с одинаковой силой как «своего», так и «не своего». Если я буду воспитывать ребенка, рожденного без моего участия, это никак не отразится на моей способности любить его или ее.

-- А ты не боишься, что он или она не будут любить тебя так же? И вообще, не знаешь, чьи гены у этого ребенка.

-- Ну, во первых, любовь – это не «обмен валют». Если любишь, то не ждешь отдачи. Просто любишь и все. Что же до «влияния генов», то это – большое предубеждение, которое вызывает во мне протест и отвращение. Ты посмотри на количество негодяев, населяющих нашу планету, о чьих генах их родителям доподлинно известно все. Я верю в то, что именно среда формирует личность, а не гены. Все эти отвратительные истории про то как, якобы, взятый на усыновление ребенок отплатил родителям черной неблагодарностью – ни что иное как показатель гнилого нутра этих самых родителей, которые ждали от ребенка какой-то «оплаты» за свое благодеяние. А поскольку такие эмоции не проходят незамеченными, даже если их стараться скрыть (а я уверена, что личности, о которых речь, и не сдерживаются в «раздаривании» эпитетов типа «неблагодарный!») то, естественно, в ребенке рождается протест.

-- В общем, твоя метросексуальная позиция мне ясна. А я вот, наоборот, хочу, чтобы у меня был мой ребенок, тот, кто несет в себе мои гены. Более того, я хочу именно сына, наследника, того, кто с гордостью понесет мое имя и передаст его своему сыну. Я хочу, чтобы он рос здесь, чтобы был настоящим азербайджанцем.

-- Ну так давай выпьем за это вкусного итальянского вина. За то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями. -- Лала приподняла бокал и поднесла к губам. – Фу, какая гадость. Пользуются тем, что люди не разбираются и подсовывают дешевую гадость, пусть даже и итальянскую.

Пару минут они молча поедали содержимое своих тарелок. Потом Лала сказала, что через неделю уезжает в Тбилиси.

-- Зачем?

-- Ну, помнишь, я тебе показывала тексты одного человека по имени Ара, из Еревана, который пишет открытые письма своей азербайджанской подруге? Так вот, я написала ему, он ответил и предложил принять участие в миротворческом проекте. Первая встреча уже состоялась, о ней шла речь в тексте, который ты прочел в прошлый раз. Вторая предполагается в Тбилиси через неделю. Я не очень верю в миротворческие проекты, но есть надежда познакомиться с интересными, здравомыслящими людьми.

Самир продолжал молча жевать свои макароны. Он немного покраснел – Лала не могла понять, от вина или от гнева, потому что взгляд его был устремлен в тарелку. Через некоторое время он прокашлялся и сказал:

-- А тебе не пришло в голову посоветоваться со мной, прежде, чем принимать решение по поводу поездки?

-- Ммммм... По правде сказать, нет. А почему?

-- Ну, как минимум, потому, что мы друзья. А может быть, я захотел бы поехать с тобой?

Лала перебила его:

-- Во-первых, я знаю, что ты, скорее всего, не поехал бы из идеологических соображений. Во-вторых, в отличие от меня, ты работаешь и не можешь отлучиться из города на несколько дней.

-- Кстати, об «идеологических соображениях». Тебе не кажется, что общаться с армянами неправильно или, как минимум, преждевременно?

-- Почему?

-- Ну, например, потому, что идет война. Потому, что они оттяпали у нас кусок территории и не собираются отдавать миром, - он покраснел еще больше.

-- Ну, это ты так считаешь. А я думаю, что если есть хоть малейший шанс договориться по-мирному, то надо его использовать. И вообще – вся эта «заварушка» напоминает мне сору двух соседей по лестничной площадке, которые высыпают друг другу на порог мусор и думают, что именно сосед составляет причину всех их бед, а не неурядицы в своем доме. Армяне с азербайджанцами поссорились именно как близкие родственники – слишком похожи и слишком хорошо друг друга знают, или думают, что знают.

-- Пока ты здесь занимаешься философскими обобщениями, не надо забывать, что идет вполне реальная война, на границе гибнут люди, и что бы ты там не говорила – ты имеешь дело с врагом. Официально – врагом.

-- Но кто, конкретно, враг? Каждый, у кого фамилия заканчивается на «ян»? Каждый, у кого есть армянский паспорт? Каждый, кто верит в то, что Карабахская провинция должна быть отделена от Азербайджана? Каждый, кто с оружием в руках воюет на стороне Армении? Кто именно – враг?

-- Если у тебя будут неприятности со спецслужбами из-за твоего пацифизма, попробуй задать эти вопросы им.

-- Надеюсь, что не будет.

-- Я тоже надеюсь. Извини, я выйду на минуту в туалет.

Когда Самир вернулся, и они направились к выходу из ресторана, Лала сказала очень тепло и мягко:

-- По поводу нашего разговора о семье и детях, Самир, я, как близкий друг, советую тебе серьезно рассмотреть предложение родителей. Судя по твоим словам, ты уже созрел для создания семьи.

Что до выбора спутницы, то мне кажется, что тебе подойдет азербайджанская «девушка из хорошей семьи». Интеллектуалки с жизненным опытом тебя привлекают, но не сделают тебя счастливым. Дело даже не в твоей консервативной семье, а в тебе самом, в твоей потребности иметь рядом человека без лишних сложностей и, желательно, похожего на тебя. Не порть себе жизнь. Как это бывает, я увидела на примере своего отца. Тебе, может, и не нужны мои советы, но мне кажется, что я тебя неплохо знаю.

-- Ты же не просила моего совета о поездке, которая может отразиться на твоей жизни. Кстати, когда точно ты уезжаешь?

-- Ровно через неделю, в среду, поезд отходит в 10 вечера.

-- Я приду тебя провожать. Что ты будешь там одна ходить по ночному вокзалу. А когда вернешься?

-- Пока не знаю. Встреча продлится два дня, но я хочу остаться еще на пару дней, проветрить мозги.

Они шли по вечерним улицам своего города, мимо его эклектичных, с восточным обрамлением, элегантных европейских построек девятнадцатого века, превращенных подсветкой в сказочные ночные дворцы, по отреставрированной Площади Фонтанов. Города, который стал родным для многих, а для кого-то так и не стал. Города, отринувшего многих своих детей. Тихо разошлись по домам, едва попрощавшись. От Самира не было ни одного звонка за оставшуюся до отъезда неделю и Лала думала том, что он сейчас, наверное, принимает важное решение и обсуждает его со своей семьей.

Она уже давно не обсуждала ни одно из своих решений ни с кем. Семьи, как таковой, у нее не было – пара-тройка дальних родственников, с которыми она не поддерживала связи. Друзья были разбросаны по разным штатам и континентам. Мама была слишком отстранена и поглощена собой для того, чтобы принимать участие в жизни повзрослевшей и изменившейся после отъезда дочери. Они мало разговаривали и почти не обсуждали «слона в комнате» - Лалин неизбежный переезд обратно в Соединенные Штаты.

8

На вокзале было шумно и суматошно. Самир уложил Лалин небольшой чемоданчик под сиденье и указал на пустующее место в купе СВ:

-- Осталось всего несколько минут до отхода поезда. Может, повезет, и будешь ехать одна?

-- Наверняка, кого-нибудь подсадят на одной из подстанций и разбудят среди ночи. Уж лучше бы кто-нибудь сел здесь.

-- Ладно, я пошел, а то ненароком уеду вместе с тобой. -- сказал Самир со смешком и направился к выходу.

Через минуту его черная куртка уже виднелась на перроне, где он искал глазами Лалино окно. Она помахала ему рукой из уже отходящего поезда. Он помахал в ответ и быстро зашагал прочь.

Приехав в Тбилиси и зарегистрировавшись в гостинице, Лала первым делом отправилась прогуляться по городу. Она с удовольствием топала по улицам этого, почему-то ей родного, города. В Баку у нее не было возможности предаваться любимейшему из своих занятий –

хождению пешком. При наличии времени, Лала могла дойти на своих двоих куда угодно в пределах пяти километров. Баку, со своими многочисленными стройками и припаркованными автомобилями, отобравшими у города тротуары, опасным дорожным движением и похотливыми взглядами цокающих языками, улюлюкающих или гогочущих вслед молодых самцов на улицах, мало подходил для созерцательных одиноких прогулок женщины. В Тбилиси она чувствовала себя спокойнее – не было пристающих на улицах и не так много было поднимающих пыль экскаваторов.

Насмотревшись на Куру, она вернулась в гостиницу и начала проверять электронную почту у себя в комнате. Вопреки ожиданиям, беспроводной интернет работал, и довольно неплохо. Письмо от Самира было коротким: «Как доехала? Напиши или позвони, когда будет время». Лала не уставала удивляться тому ценностному стержню, который был заложен в Самире, его «правильности». Ведь по существу, ему незачем было беспокоиться о ней, но привитые с детства принципы не оставляли ему другой возможности, даже если ему и не хотелось сейчас говорить с ней.

Следом было письмо от Ары, не менее лаконичное: «Вы уже в Тбилиси? Я со вчерашнего дня здесь и уже кое-что написал».

Лала зашла в его дневник. Там и правда была новая запись:

9

Встреча. Приглашение на встречу - "Построение доверия на Кавказе". В Тбилиси. Через две недели. Так, в Тбилиси - это очень хорошо... Весенний Тбилиси. Сказка. И о построении доверия с грузинами я действительно хочу поговорить, - я чувствую, что мне они могут доверять, и я могу доверять многим из них... Когда я был в армии, еще в советское время, были три четкие общины - армяне, грузины, азербайджанцы, и эти общины вели себя совсем как маленькие нации... С грузинами было очень сложно определиться - всегда сохранялась внешняя, иногда подчеркнутая вежливость между нами, и внутренние антипатия и недоверие - вот только я их тайно не разделял. То с одним, то с другим мы очень часто просто разговаривали, как личности, не как представители национальных групп, и теперь я могу, кажется, сказать, что мне нравилось в этих разговорах - нравилась вера. В отрицательном ключе - это всегда воспринималось как заносчивость и мания величия, когда за конкретным человеком ему самому видится некий другой, очень большой, великий человек, и за мелкими явлениями окружающей жизни - некая другая, полная величия и блеска, чрезвычайной важности жизнь, мифологическая, сказочная, и человек словно задумался настолько глубоко, что переносит некоторые элементы своей мечты в действительность. Вера - это такой вот примат невидимого над видимым, еще не случившегося - над уже случившимся, воплощенным. Азербайджанцы - другой случай: они были общительными, дружелюбными и славными, пока... пока их не стало много! Тогда те же люди стали меняться на глазах, вместо твоего знакомого, уже становившегося почти приятелем, вдруг оказывался - принципиально, глубоко тебя не любивший азербайджанец, член азербайджанского землячества... Так что здесь я не знаю пока, о чем говорить, возможно ли между нами доверие. Не важно впрочем... все это было свыше двадцати лет назад, в канун войны.

Едем... переходим границу. было время, когда я радовался, пересекая ее в обратном направлении. говорил - здравствуй, родина. Теперь... здравствуй, демократия, Грузия, тебе удалось - тебе удалось доказать, что мечтать и верить - это эффективно... Это Грузия, но это Марнеули. И все равно это Грузия. У азербайджанонаселенного района живой, довольный жизнью вид. И чувство - что грузин, проезжая здесь, вовсе не ужасается полной азербайджанскости этого района Грузии, скорее - приветствует, у всего окружающего такой довольный и мирный вид, что его невозможно не приветствовать, он сам - приветливый. Молча приветствую и я. Эти люди знают, что это за автобус, кто в основном пользуется этой армяно-грузинской основной магистралью. Но все же у района приветливый вид. Даже во время войны здесь, кажется, не произошло ничего плохого.

Кстати, о войне - монумент - самолет на постаменте, а под ним - дружески скрещенные грузинский и азербайджанский флаги. Боевое братство. Которого, насколько я знаю, фактически не было, не было и вражды, но вот боевого братства - не было. Впрочем, это Грузия, здесь было-не было - очень условные категории, памятник выражает лишь то, на мой взгляд, что эти два народа хотят братства. В частности - боевого. А возможно ли здесь представить, вместе с ними, и армянский флаг? С первого взгляда нелепость, армянские и азербайджанские бойцы шли, чтобы сразиться друг с другом, и умереть. Но я представляю этих людей, бородатых, обладателей тех или иных мирных профессий, в основном добровольцев. Насколько переплеталось в них желание захватить, наказать, разрушить, изгнать, и насколько - защитить, остановить, спасти? Можно ли представить себе ситуацию, в том же месте и в то же время, когда эти люди взяди бы и вдруг образовали боевое братство? Та часть каждого, которая хотела защитить и спасти - против той части каждого же, что хотела наказать и разрушить? Построение доверия... его не было. Его не было не только вообще вокруг, но не было и внутри - никто не решился построить доверие сам с самим собой, поверить той своей части, которая говорила - говорила ведь! - "теперь ты и только ты должен решить - рядом с тобой, и напротив тебя, вооруженные люди, они готовятся убить и умереть. Но в каждом звучит этот слабый голос - нельзя убивать, не надо умирать..." И каждый заглушал этот слабый голос в себе иными, более громкими и убедительными, и эта сумма тысяч, десятков тысяч слабых голосов так и никак себя тогда не проявила, осталась немой, невысказанной... Воздух Грузии располагает к свободным мечтаниям, и я вдруг представил себе это боевое братство - отряды в защиту мира, в защиту людей, очень малочисленные на фоне отрядов войны, проигрывающие бой за боем и безжалостно расстреливаемые обеими сторонами - но каким-то чудом возрождающиеся вновь, часто из тех, кто вчера сам расстреливал... Тактика боя в этом случае, самый больной вопрос - тактика боя. Если не стрелять совсем в ответ, быть невооруженными отрядами - это совершенно неэффективно, даже невозможно, никто не пойдет на чистое самоубийство. Убивать... вместе с азербайджанцами убивать, например, атакующих армян, как ты это себе представляешь? Невооруженные отряды Красного креста и полумесяца - а вот в этом что-то есть. Раненые, пленные, мирные жители - передаются под их опеку, с взаимного согласия воюющих сторон. Принцип комплектации - смешанный, добровольный. Договоренность о зонах (например, приграничных) где война не ведется. Война не ведется также в черте населенных пунктов. И ведь этот момент был возможен - кажется, до 92 года. Более того, возможно было еще остановить войну. Более того, после войны это вновь стало возможным, теоретически - остается таким и сейчас... Построение доверия. Ну вот и Тбилиси.

10

Сначала Лала написала короткий ответ Самиру: «Привет! Я на месте. Все в порядке. Из страны выпустили, надеюсь, что впустят обратно. Береги себя, и удачи с принятием решения Л.».

Потом ответила на письмо Ары: «Я уже в гостинице. Мне прислали расписание, в соответствии с которым завтра в 9 утра надо быть в конференц-зале отеля. На сегодняшний вечер, кажется, ничего не запланировали. Если будете в гостинице, дайте знать, можем увидеться в вестибюле. Лала».

От него сразу пришел ответ: «Я и мои коллеги уже познакомились с другими представителями азербайджанской делегации. Мы договорились встретиться через полчаса в ресторане на первом этаже и поужинать там же. Если хотите, присоединяйтесь».

На следующее утро, пока представители приглашающей организации говорили о важности построения мостов между двумя странами, Лала еще раз заглянула в свою электронную почту, а потом, уже по привычке, в дневник Ары. Новая запись описывала их вчерашний вечер:

«Их трое - молодой парень и две девушки. Парень, Агалар - для него я наверно первый армянин, с которым он вступает в разговор, но он очень хорошо к разговору подготовился, у него свой план решения Карабахского конфликта.

- Мои родители из Шуши, и я не понимаю, как Вы, например, сидя передо мной, несогласны, чтобы мы вернулись в Шушу. Азербайджанская община Карабаха все равно будет меньше армянской, вам не следует ее опасаться. Карабах будет в составе Азербайджана чисто номинально, безграничная автономия, просто - в знак уважения азербайджанского суверенитета, будет числиться в составе Азербайджана. Азербайджанская община будет подчиняться Баку, а то, согласитесь, несправедливо, чтобы один народ подчинялся правительству другого. Девушки пока в разговор не вступают, внимательно ждут моего ответа - чтобы понять, что я за птица. Я автоматически начинаю отвечать - предложение было сделано в государственной логике, причем не каких-нибудь, а именно конкретных этих данных государств, со всей историей их деяний. И в данной логике оно неосуществимо. Карабах в "бутерброде" между Баку и азербайджанской общиной, вне связи с Арменией - это или война, или окончательная этническая чистка, лучше уж пусть все остается так как есть.

- Понимаю, Вы мыслите в логике безопасности и недоверия... огорчается Агалар, и больше не настаивает, и я понимаю, что он действительно понимает. И разговор как-то разом иссякает. Сидим, не глядя друг другу в глаза. Впереди еще два дня... Но я ведь его тоже понимаю! И, пользуясь атмосферой Грузии, пускаюсь в импровизацию; в конце-концов, она уже совсем перестала на меня смотреть, а ведь это было в каком-то смысле и ее предложение...

- Есть три статуса - начинаю рассуждать я - в составе Азербайджана, Армении и независимый. Государственная логика требует избрать какой-нибудь один из них: в этом случае сторонники остальных двух оказываются в проигрыше. Но кроме этих трех известных, можно ведь сконструировать ряд новых, но для этого придется конструировать и новые надгосударственные структуры...я сторонник того, чтобы каждый желающий имел тот статус, который он хочет, чтобы одновременно были признаны все три, и житель Карабаха имел бы возможность, в зависимости от своей выгоды, пользоваться тем из них, который в данном случае удобнее, имел не один, а три паспорта, имел возможность выбирать не одно, а три правительства, и был бы в смысле прав втрое богаче простых жителей Армении и Азербайджана, он много страдал в конце концов, и заслужил это... Смотрим друг на друга удивленно.

- Но национальное правительство - гарант прав своего гражданина... говорит Агалар - как могут три правительства одновременно обеспечивать права одного и того же гражданина? Я молчу, потому что чувствую - да уж, бедный житель Карабаха, если я терплю одно национальное правительство, и мне уже неважно, как он будет терпеть сразу три? Три полиции? Три налоговых ведомства? Три армии? Три правящих партии? Б-ррр... Конечно, в каком-то смысле три лучше одного, есть выбор, маневр, какая-то автоматическая демократия возникает, но...

- Да, я просто не хочу чтобы его гарантом становилось ни одно из существующих национальных правительств, я им не доверяю, я хочу, чтобы его гарантом был кто-то совсем другой, которому можно верить...

- Человечество - спокойно и твердо говорит девушка, та самая, и смотрит мне прямо в глаза.

Человечество! Но что это такое? В то же самое время я чувствую, что действительно доверяю человечеству, я сам лично полностью доверяю человечеству, и охотно доверю ему и Карабах, и родину, и собственных детей

- Но что такое человечество? - спрашиваю я, замороженно глядя в ее глаза.

- Не знаю, отчего бы например, не мы с вами? - с легкой иронией отвечает она.

9

Лала внимательно слушала, что говорил этот человек, совсем ей не знакомый, не понятный, чужой.

...Чужой? С каких это пор она научилась делить людей на Своих и Чужих? Где они, эти свои? Кто они? У них в семье принято было относиться к чужим, как к своим. Такими были ее мать, и отец, и она впитала в себя это мироощущение с раннего детства. Понаблюдав за ней несколько месяцев, соседка, простая и практичная русская женщина, заявила ее родителям, «Пора ей уже научиться отличать «свой-чужой», а то она у вас ко всем тянется»... Правда, при этом, они часто пренебрегали интересами своих, самых близких, которые от этого со временем становились чужими.

Чужой говорил на темы, ей понятные и близкие. Он проповедовал мир, добро, космополитизм, возвышение общечеловеческих ценностей над узко-национальными, слияние культур в сферах, не ограниченных политическими границами государств, кто мытьем, кто катаньем выбивших себе право быть очерченными толстой прерывистой линией на карте мира. Он утверждал, что старается понять другого, соседа по планете, соседа по парте. Правда, своей немного отчужденной манерой общения, он не создавал немедленного ощущения дружелюбия, но она разглядела за этой наносной колючестью некоторую уязвимость, попытку защитить себя единственно возможным способом – не давая никому приблизиться слишком близко. Часто так ведут себя целые народы.

Не со всем она была согласна. Он пользовался категориями, которые казались ей спорными. В ответ на идею, высказанную соседкой по столу, он утверждал, что доверяет человечеству. Доверяет все: Карабах, родину, собственных детей. (Ага, вот и оно, свое, отличное от чужого. Она немного позавидовала наличию подобного списка в его системе ценностей). Но Человечество?

...По поводу человечности человечества у нее было не много иллюзий. В самой путанице однокоренных слов «человечность» и «человеческий», как и в их английских эквивалентах «humaneness» и «humanness» было что-то от извечной борьбы добра со злом, заложенной в противоречивом создании, называемом человеком. С одной стороны, «поступить по-человечески», «проявить человечность». С другой, «ничто человеческое нам не чуждо», «человеческие слабости» (как правило, как попытка оправдать какой-нибудь омерзительный поступок). Ненависть, лицемерие, жадность, жестокость – все это было слишком человеческим, чтобы быть очарованной идеей человечества...

Девушка за столом, наверное, студентка факультета международных отношений где-нибудь в третьей стране, продолжала развивать свою теорию о человечестве, и ее собеседники включились в бурное обсуждение возможностей решения конфликта, который представлялся Лале настолько же абсурдным, насколько «человеческим» во всех его проявлениях. Не поделили чего-то люди, подрались из-за кусочка сыра, который, как им кажется, бог послал именно им, лично в руки.

Ей захотелось воспользоваться этим моментом всеобщего поглощения идеями, мало ее интересовавшими, мало похожими на отражение реальности, и слишком похожими на увлеченность этими идеями Самира, являвшегося для нее образом физика в мире ее личной лирики. Хотелось тихо выскользнуть из-за стола, убежать к своим беличьим кистям с шелковыми кончиками, к остро заточенным, пахнущим деревом, карандашам, к белому холсту, на котором краски сами складывались в ответы на эти дурацкие вопросы. Но сделать это, не предложив соответствующего объяснения и никого не обидев, не представлялось ей возможным. К тому же,

на столе оставалась едва начатая бутылка вина, к которой, кажется, никто, кроме нее, не испытывал особого интереса.

Она так и осталась сидеть за столом, отхлебывая мягкую бордовую жидкость с привкусом вишни и устремив взгляд в окно за спиной собеседников, где мягкий, теплый, золотистый свет фонарей окутывал новый храм на вершине горы, такой для нее привлекательный. Ей казалось, что если заполнить облаками все пространство у подножия храма, то он сам, по собственному желанию, оторвется и поплывет, куда-нибудь на восток, к рассвету. Или, наоборот, к западу, убегая от восходящего солнца, пытаясь сохранить золотое искусственное мерцание фонарей вокруг себя.

Храм постепенно превратился в избушку на курьих ножках, сварливым голосом известного советского актера сетовавшую на необходимость постоянно выбирать, к кому же повернуться задом, а к кому передом. Внутри избушки царил переполох. «Мы летим» шумели прихожане. Одна из них, старушка с темно-синим платком на седой голове, голосом собеседницы, ратовавшей за доверие человечеству, спросила: «Лала, вы, кажется, уплыли куда-то. Вернитесь к нам. Вы-то что думаете по поводу окончательного статуса этих земель?»

«Откуда я знаю?» - с некоторым раздражением подумала она, но потом посмотрела в их горящие глаза на озабоченных лицах, и ей стало стыдно за свою отрешенность: «Ты же художник, ты же чувствуешь людей. Им больно, этим присутствующим здесь, у них свербит, они хотят найти решение проблемы, по тем или иным причинам важной для них лично. Постарайся их понять».

«Разберемся», - сказала она с наигранной легкостью. «Уж мы-то с вами точно разберемся за то время, пока мы здесь. Если вы не возражаете, я допью последний бокал вина?»

10

От выпитого накануне вина у Лалы болела голова. Каждый из шестерых участников должен был выступить с докладом на тему своего видения разрешения конфликта. Организаторы еще не определились с расписанием, и она очень надеялась, что ее выступление назначат на послеобеденный час. Хотелось полежать и избавиться от головной боли.

Но ей не повезло. Было решено, что доклады начнутся в первую очередь, а их обсуждение будет продолжено за обедом и после – и возможно, совмещено с прогулкой по городу. Лала попыталась представить себе, как будет происходить обсуждение. Вчерашним вечером обе группы держались особняком и в них не чувствовалось большого желания смешиваться. Если и сегодня эта тенденция повторится, то за обедом и во время прогулки обсуждать доклады, видимо, будут только со «своими».

Когда подошла ее очередь, перед Лалой лежало несколько разрозненных листов бумаги со сделанными от руки записями – разными ручками, с разного размера буквами, под разными углами. У нее не было времени «причесать» свои мысли, и она, набросав лишь общий план выступления, решила положиться на вдохновение.

Представившись, она начала, как всегда, с личного:

-- Как вы знаете, я – художник, а художники почти всегда – маргиналы. В связи с этим, у меня будет много вопросов – как к армянским делегатам, так и к азербайджанским.

Я планирую остановиться на нескольких темах и узнать мнение присутствующих о них, в применении к конфликту между нашими обществами. Я не оговорила, именно «между обществами», а не «между странами». Даже если «страны», представляемые своими

руководителями, договорятся о мире, то неприязнь друг к другу, часто доходящая до ненависти, существующая в обоих обществах не позволит отношениям развиваться нормально.

Я бы хотела предварить свое выступление фразой Станислава Ежи Леца «Когда миф сталкивается с мифом, столкновение происходит вполне реальное». Мне хотелось бы поговорить о мифах и стереотипах, которые не позволяют людям с обеих сторон расслабиться по отношению друг к другу и проявить чувство, на которое должен быть способен любой человек – сострадания, эмпатии. Существуют результаты исследований, подтверждающие, что человек – единственное животное, которому воображение позволяет представить, что чувства и мысли другого человека могут отличаться от его собственных. На мой взгляд, мы, люди, пользуемся этой способностью чрезвычайно редко.

Правда, известно и то, что страх и инстинкт самосохранения не оставляют у животных места для эмпатии. Наверное, и с людьми так же. Может, сострадание возможно лишь при определенном уровне эмоционального комфорта?

Она полистала свои бумаги.

-- Хочу остановиться на знаменитом бакинском космополитизме. Я не могу говорить за Ереван – никогда, к сожалению, не бывала – хотя, по общеизвестной информации, там было не очень много не-армян и до развала Союза. Может быть, коллеги из Армении расскажут о своих воспоминаниях. Могу говорить только о Баку, в котором я росла.

Но для начала процитирую следующее определение космополитизма, датированное 16 веком: «гармоничный земной круг, наднациональное и внерелигиозное братство людей, основанное на свободном выборе каждого».

В этой связи хочу упомянуть пирамиду человеческих потребностей Абрахама Маслоу. На вершине пирамиды находится развитие личности, потребность в самоактуализации. Конечно, надо сделать оговорку, что для некоторых самоактуализация реализуется только при достижении идеологического превосходства над противником, а развитие личности в коллективистских обществах возможно не иначе как через принадлежность к своему племени. Но все же, если представить, что венчает «пирамиду» созидание, то для его достижения нам необходимо пройти через предыдущие стадии (от низшей к высшим) – потребность в еде и безопасности, принадлежности, любви и уважении, умении и познании, и, наконец, гармонии и красоте. Сегодня наша с вами творческая интеллигенция слишком запугана и индоктринирована идеологами, чтобы создавать истинное искусство. Война сбросила нас с вершины пирамиды к самому ее дну.

Тончайшая прослойка урбанистического космополитизма в Баку могла бы стать маленьким шагом в направлении духовного роста, который позволил бы личностям объединяться по принципу отличному от первобытного стремления держаться поближе к сородичам. Сородичами становились вчерашние «чужие». Может быть, если бы у этой традиции образовались многовековые корни, то у нее был бы шанс выжить и противостоять натиску национализма? Или, пожалуй, их отсутствие объясняется именно ее утопичностью? Хотелось бы услышать ваше мнение.

С другой стороны, в этом советском городе, в котором, якобы, никакого значения не имела национальность, где все так дружили, так друг друга любили и вместе на шашлыки ходили, в этом Баку моего детства, тем не менее, все знали, кто кем был по национальности. Нет, это совсем не мешало нам дружить, но откуда-то все же знали. По фамилиям, по внешнему виду, по манере разговора (хотя, на последнюю положиться было нельзя, всех объединяла одинаковая привычка

певуче, по-бакински, растягивать слова). Негативные стереотипы были широко распространены – евреи, конечно же, должны были быть практичными и осторожными, армяне – коварными лицемерами, азербайджанцы – недалекими бабниками, русские – непременно простодушными алкоголиками.

Если нельзя было «вычислить» принадлежность человека автоматически, то вопрос «Кто ты по национальности?» задавался напрямую. Мне кажется, что даже сегодня люди с большим смущением относятся к такого рода вопросам.

Помните прибор «визатор» в фильме «Кин-Дза-Дза», лампочка которого, окрашиваясь в нужный цвет, помогала владельцу визатора определить, кто перед ним находился – пацак или чатланин? Иногда лампочка не работала, как это часто бывало в случаях с нами, детьми из смешанных семей, которые в то время назывались «метисами» (это только недавно я узнала, что синонимом слова «метис» является слово «ублюдок», то есть тот, кого ни те, ни другие не хотят признать своим).

«Метисы» занимали особое место в этом потоке пристрастных оценок бакинского общества – они наделялись стереотипными чертами все этнических групп, составлявших их идентичность. Конечно, в зависимости от личных предпочтений и семейных ценностей, некоторые выпячивали одну свою половину, другие – другую.

Использовавшееся с середины 1960х годов понятие «Есть такая нация – бакинцы» вдохновляло и продолжает вдохновлять многих, хоть отношение к космополитизму в сегодняшнем Азербайджане и похоже на травлю «безродных космополитов» в послевоенном Советском Союзе. Как и раньше, Агитпроп организует воспитательные кампании – только раньше насильственно обращали в советский патриотизм, а теперь – в этнический национализм.

Наряду с космополитизмом, часто упоминается слово «толерантность». Слово, конечно, может рассматриваться в разных контекстах, но если говорить о реальном уровне терпимости в обществе, то кого мы обманываем? Уровень толерантности в азербайджанском обществе чрезвычайно низок не только по отношению к армянам, но и к самим себе. Любой обмен мнениями, в котором стороны расходятся во мнениях – будь то политика или социальные условности – превращается в склоку с переходом на личности. Культуры политического диалога нет, ее надо создавать, а потом уже говорить о толерантности.

Космополитизму противостоит национализм, явление, на мой взгляд, неприглядное, но популярное в наших с вами обществах. Национализм объединяет массы на почве наименьшего общего знаменателя – достаточно ведь просто родиться этническим кем-то, чтобы, не прилагая никаких усилий, обрести в душе теплое местечко под названием «свои», стать частью сообщества; более сложные формы самоидентификации требуют интеллектуальных и душевных усилий. В условиях экономической разрухи и социального хаоса в Азербайджане, призывы объединиться против вероломных захватчиков, посягнувших на «наше», попали на благодатную почву и основательно связали до того стремившихся в основном к индивидуальному благополучию соплеменников.

Хочу рассказать вам одну историю, которую прочитала несколько лет назад на сайте Би-Би-Си о столице Боснии, Сараево – городе, который, как и Баку, был многонациональным до краха коммунизма в СССР и Югославии. Там упоминается запись, сделанная сербскими националистами на стене здания главпочтамта во время боевых действий: «Это – Сербия». В ответ на которую кто-то из местных жителей успел написать: «Это – почта, деревенщина», что в полной мере отражало отношение жителей этого космополитичного города к претензиям провинциальных националистов. Что-то похожее произошло и в наших с вами обществах.

Понятия каждодневной жизни – такие как почта, к примеру, - были подменены «высокой» идеологией, которая на руку только тем, кто получает дивиденды с войны, а мы с вами, зараженные этой, по словам Армена Джигарханяна, «бациллой», послушно позволяем мыслям о войне, о «наших» и «ваших», замещать мысли о том, почему, к примеру, городские власти не убирают вовремя мусор с улиц.

По результатам недавнего социологического опроса, азербайджанцев, которые назвали ситуацию в Нагорном Карабахе своей главной проблемой, больше, чем тех, кто в первую очередь беспокоится о безработице, бедности и коррупции. Как вам кажется, это нормально?

Я сейчас выскажу сугубо личное мнение, с которым армянская сторона, наверное, не согласится, и я буду рада выслушать ваше мнение по этому поводу. Мне кажется, что эту «зацикленность» «подарили» азербайджанцам именно армяне, которые, в большинстве своем, поддержали тех, кто многие десятилетия, видимо, точно так же жил одной мыслью о том, как отобрать у азербайджанцев Карабах. И это кажется мне очень, очень печальным.

Я пытаюсь разобраться в том, почему так сложилось, были ли это попытки сохранить свою культуру? Или сама история армянского существования на протяжении столетий в качестве христианской общины в империях мусульманского Востока приучила к необходимости отличать своих от чужих? А может быть сыграла роль сильная диаспора в той части света, откуда проще диктовать условия, которая отличается, подобно всем диаспорам, склонностью к идеализации прошлого и демонизации образа врага?

Может, у азербайджанцев, тюркоязычных шиитов, которым тоже приходилось принаравливаться к имперским вкусам и предпочтениям, в дороссийскую эпоху не было такой же необходимости отстаивать свои базовые ценности, в основе которых лежала религия? В послероссийскую же, значительная часть азербайджанской интеллигенции видела в России окно в Европу, а сами европейские ценности считала прогрессивными по отношению к своим, традиционным – чтобы убедиться в том, что это так, достаточно почитать классиков азербайджанской литературы конца 19 века. Может, именно это способствовало появлению космополитизма и толерантности, о которых сегодня много говорят в Баку?

Я упомянула недавнее интервью Армена Джигарханяна, в котором он жаловался на то, что не понимает, как случилось так, что два народа поссорились. «Какую-то бациллу в нас внесли», сказал замечательный пожилой актер, большую часть жизни проживший в Москве. Неужели ему, покинувшему Ереван в 1967 году, в те же годы, когда там шло строительство «крепости ласточки», призванной увековечить страдания армянского народа и укрепить в сердцах сограждан нелюбовь к западному соседу, не известно о том, какая именно «бацилла» получала благодатное поле для развития?

Эта же бацилла сегодня прочно завладела умами и душами азербайджанцев – так же строятся памятники жертвам, отмечаются горестные даты, укрепляется нелюбовь к виновным. Как бы цинично это не звучало, но когда я смотрю как наши с вами патриоты усердствуют в кампаниях по признанию того или иного события геноцидом, мне приходит в голову фраза «Кто кого перегеноцидит». Говорю это, ни в коей мере не умаляя трагичности тех кровавых событий, которые, несомненно, стоят за этим датами.

Хотя, по моим наблюдениям, эта же тенденция наблюдается во всем мире. Тенденция двадцатого века – ставить страдания во главу угла. В результате, вместо желаемого результата (недопущения повторения трагедии, «никогда более») пострадавшая сторона получает своего рода карт-бланш на совершение преступлений. «Мы ведь такие ущемленные, нам ведь так страшно, мы ведь всего

лишь хотим себя защитить». Понятно, что люди пострадали – а уж скольких они сами успели перебить – это детали, в которые ни одна из сторон не хочет вдумываться. Упор делается исключительно на свои собственные страдания.

Конечно, при подходящей возможности, каждый человек, и каждый народ, захочет пожалеть себя, возвести памятник своим страданиям. В книге «Война дарит нам смысл жизни» Крис Хеджес, ветеран международной журналистики, освещавший войны в разных частях света для Нью-Йорк Таймс, предупреждает об опасной тенденции использования народами своей «жертвенности» в политических целях.

Все мы потенциально способны на самые мерзкие злодеяния. Просто исторические обстоятельства позволяют некоторым из нас продемонстрировать эту способность. Именно этим объясняется жестокость человеческих войн, а никак не особой склонностью избранных групп к насилию.

Посмотрите на короткий список основных человеческих эмоций, из которых все остальные чувства, вся их сложная гамма, являются производными. Единственной однозначно позитивной является только радость. Большую же часть составляют негативные эмоции – страх, гнев, отвращение, печаль.

Именно поэтому, на мой взгляд, новости переполнены негативной информацией, так как именно ее в первую очередь «покупают» потребители. Человек настроен на получение негативной информации, чтобы избежать опасности (и именно инстинктом самосохранения исследователи объясняют расхожесть и необходимость стереотипов). Если мы с вами, считающие себя здравомыслящими людьми, готовы согласиться с этим, то мы просто обязаны помочь своим соотечественникам отказаться от мысли о своей многострадальности и направить свои мысли и свою энергию в позитивное русло, в будущее, а не в ненависть и горевания по поводу прошлого.

Известно, что наличие общего врага как нельзя лучше сплачивает людей, будь то народы, семьи, или любые человеческие сообщества. Для многих война, противостояние, наличие неразрешенного конфликта наполняет их жизнь смыслом (я уже не говорю о зарплатах миротворцев). Как говорил один мой американский знакомый, работавший на спецслужбы своей страны и профессионально изучавший войны и революции во всемирной истории: «Каждому для счастья нужна хорошая порция ненависти».

Если судить по тому, что появляется в прессе, многие армяне прошли через тот же процесс, который сейчас проходят азербайджанцы: любить «своих» в основном за счет ненависти к «чужим». «Я такой хороший, потому что у меня соседи плохие». В Азербайджане процесс конструирования национального сознания совпал с открытыми территориальными претензиями соседней страны, а потому ненависть заняла в данном процессе ключевое место. Посмотрите на календарь азербайджанских памятных дней – большинство так или иначе связано с армянами. Одним из важных компонентов укрепления ненависти в умах и сердцах стал многогранный опыт освящения страданий и передаваемый из поколения в поколение дух непримиримости с обидчиком, который азербайджанцы быстро переняли у соседей.

Каждый год обе стороны конфликта муссируют фотографии своих соотечественников, погибших в различных конфликтных ситуациях 20 столетия – от событий в Османской империи до тех, что происходили в Армении и Азербайджане в начале и в конце века.

«Не забывай! Не забывай!» – кричат эти фотографии и подписи пропагандистов под ними. Но ведь рано или поздно надо забыть и простить. Как же иначе продолжать жить? Ведь можно застрять в воспоминаниях о прошлом и отнять у своих детей будущее.

Что нормального в том, чтобы беспокойство об «исторической справедливости» занимало все мысли человека, вытесняя всю остальную жизнь? Это и есть та самая «бацилла», или, если хотите, зуд, который распространяется все шире, по всему телу Кавказа. Еще раз оговорюсь, что если, по мнению моих коллег как с армянской, так и с азербайджанской стороны, на такое видение оказывает влияние моя предвзятость, то я буду рада выслушать ваши возражения.

Мне так же хотелось бы поговорить о «коллективной ответственности» и противопоставить это понятие универсальной шкале ценностей. Я имею в виду стремление многих азербайджанцев считать всех без исключения армян повинными в разжигании войны в Карабахе и связанных с ней преступлениях, и желание многих армян считать всех до единого «турков» виновными в совершении преступлений против армян в Сумгаите и Баку, а также в Восточной Анатолии сто лет тому назад.

Коллективная вина предполагает и коллективную гордость, или патриотизм, к которому я, как закоренелый индивидуалист, отношусь резко отрицательно. К примеру, мы спорим о принадлежности музыкальных инструментов, кухни, хотя схожесть их, совершенно очевидно, объясняется схожими климатическими, географическими условиями проживания и культурными взаимовлияниями. Почему бы вместо этого не поспорить о том, кому принадлежит пальма первенства в создании современной традиции отдавать предпочтение подержанным автомобилям марки Мерседес? Так же, как и в Баку, я слышала, в Ереване соперничают между собой «престижные» авто-номера. Почему бы не начать спор о том, кто у кого украл эту важную традицию, с которой местные жители сталкиваются гораздо чаще, чем с игрой на сазе? Или старая «добрая» традиция домашнего насилия – преимущественно, над женщинами и детьми. Вот уж поле открылось бы для многочисленных примеров и экскурсов в историю. Гендерное неравенство, предубежденное отношение к людям с умственными и физическими отличиями, к сексуальным меньшинствам, к экономически обделенным присутствуют в обеих странах, примеров – хоть отбавляй, есть о чем поговорить.

Можно, наверное, согласиться с тем, что индивидуальные достижения возможны лишь в условиях, созданных определенным народом в определенную историческую эпоху, и потому представители этих народов, даже не имеющие ни малейшего личного отношения к великим открытиям и творениям искусства, могут испытывать гордость за успехи своих соплеменников. Азербайджанцы и в этом поспешили взять пример с армян и спешно составляют списки великих азербайджанцев, в которые входят самые разнообразные личности от Гарри Каспарова до Фредди Меркюри.

Но, в то же время, коллективная гордость может стать предметом ожесточенных споров, на которых возвращается негативность. Раскрученный патриотизм находится в шаге от войны, в чем мы и убедились на печальном примере своих стран. В этом смысле, я согласна с мнением Толстого, писавшего о «суеверии патриотизма» и нежелании народов признать его неизбежное последствие – войну.

Нашим с вами обществам не хватает своей Ханны Арендт, изгнанной из нацистской Европы за еврейское происхождение, которая, тем не менее, смогла подняться над отождествлением себя со страданиями своего народа настолько, чтобы озаботиться универсальными ценностями и правами человека, любого человека, а не только «своего».

Я думаю о сотнях тысяч армян, в спешке и страхе покинувших Баку. Думаю и о сотнях тысяч азербайджанских семей, вырванных из своих домов. О непримиримых беженцах с обеих сторон, которые потеряли все, что у них было. Одинаково ли больно ли вам как за тех, так и за других?

Почему бы для начала не начать относиться к человеческой жизни (и к ее сохранению и потере) с одинаковым пиететом, независимо от принадлежности ее носителя к «своим» или «чужим»? Почему бы армянскому Католику, посетившему Баку, и не побывать на аллее захоронения жертв войны в Карабахе, помянув души всех погибших в этой бессмысленной бойне, показав тем самым пример как равенства всех душ перед судом Господним, так и любовь к ближнему, отличающую христианство? Почему бы азербайджанским политикам и религиозным деятелям, произносящим речи, посвященные памяти жертв «Черного Января», не включить в список этих жертв и армянские семьи, павшие от рук бандитов и мародеров во время январских событий?

Почему бы не горевать обо всех потерянных человеческих жизнях – и не только в этом конфликте, но и во всех остальных, которые раздирают планету? Почему бы в каждом большом городе мира не поставить по памятнику жертвам всех человеческих войн? Есть ли место на Земле, не знавшее страданий?

Если уж рассматривать ситуацию с точки зрения коллективной вины, гордости, или стыда, то каждый тут должен говорить за себя, поэтому я оставляю за армянской стороной возможность «покаяться» за то, за что они считают нужным.

Но мне, к примеру, кажется совершенно неприемлемым, что ни один представитель так называемой интеллигенции не выступил с протестами, когда разрушалось армянское кладбище в Баку под предлогом того, что там нужно было вести строительство. Объявление в газете гласило, что все желающие могут обратиться в соответствующие инстанции для перезахоронения в течение трех месяцев. Какой армянин мог приехать в Баку для предоставления документов в три месяца?

Возвращаясь к вопросу о «коллективной вине», процитирую два примера.

Первый можно найти в Википедии, со ссылкой на «Известия Пензенской Губчека»: «За убийство товарища Егорова, петроградского рабочего, присланного в составе продотряда, было расстреляно 152 белогвардейца. Другие, еще более суровые меры будут приняты против тех, кто осмелится в будущем посягнуть на железную руку пролетариата».

На второй я наткнулась, читая «Устные истории татоязычных армян о событиях 20-го века»: «Как рассказывают мадрасинцы, жители Ангихарана [турки-азербайджанцы] во время событий 1918г. взяли в заложники четырех или шестерых мадрасинцев [татоязычных армян] и потом убили, а взамен мадрасинцы - 72 ангихаранцев».

Вас не ужасает эта отвратительная математика? Ведь кто-то ходил и считал эти тела, за каждым из которых скрывалась бесценная человеческая жизнь, совершенно одинаковая для всех? Вас не ужасает, с какой методичностью армянские и азербайджанские активисты спорят о точных цифрах людей, погибших от рук их соотечественников – будь то в Ходжалы или в Сумгаите? Как будто есть разница, троих, тридцати, или трехсот людей не стало в результате безумия, основанного на национализме. Я даже встречала где-то цифру, выраженную в процентах (ноль целых три десятых от общего населения города), отражающую число погибших. Как будто от того, что есть такая цифра, охваченным страхом людям на пороге смерти, к которым в дом ломились вооруженные бандиты, было легче умирать. Как будто в тот момент погибала только трехсотая часть человека.

Да, конечно, скажете вы, все это прекрасно, но не актуально, род человеческий не может жить без войн, пацифизм – удел одиночек. Человек всегда старается доминировать над своим окружением и/или быть частью доминирующей группы. Мне трудно с этим спорить, но мне хотелось бы, чтобы число таких одиночек росло. И если я смогла убедить хотя бы одного из вас в том, что мифы,

созданные народом, который вы считаете «своим», нуждаются в пересмотре и деконструкции, я считаю свою цель достигнутой.

Спасибо.

11

Ара встал и замедленной, нерешительной походкой подошел к кафедре. Все сказанное Лалой – было приемлемо. Можно было просто, в нескольких фразах, согласиться с ней и кратко подтвердить некоторые из ее тезисов. Этого было бы достаточно. Достаточно для чего? Для того, чтобы встреча могла бы считаться успешно состоявшейся и результаты ее – достаточно значимыми. Сложившийся в ходе встречи обоюдный текст был уже вполне насыщен, имел неплохие шансы разозлить милитаристов и националистов как с одной, так и с другой стороны и в то же время понравиться мирным людям. И в то же время – Ара охватывало то знакомое по далеким вильнюсским «переговорам» ощущение, что вопрос куда-то ускользает, остается в сути своей нерешенным, возможно, даже еще и не сформулированным. Ара встал в полоборота к залу, глядя в стеклянную стену, за которой лежал город. Хотелось сейчас быть на его улицах. Там двигалось время, происходило будущее – там, на улицах Вильнюса, Тбилиси, но почему-то стояло остановленным в таких вот залах, на ничейных территориях армяно-азербайджанских отношений.

И так, глядя на улицу, в полоборота к присутствующим, он мерно начал:

Каждый раз, дорогие друзья, вовлекаясь в этот разговор об армяно-азербайджанском конфликте, я чувствую что-то сродни отчаянию от доминирующей в нем, с самого начала, мысли – ах, если бы всего этого просто не было! История, приключившаяся с нами, неприятна и конфузна, это вообще не наша история, мы, все такие нормальные люди, оказались замешанными в нее по недоразумению или в результате злых происков! Ну так что же теперь – Ара повернулся лицом к залу – теперь, если мы покаемся, каждый в своем, в том, что вообще оказались замешаны в какую-то историю – то что же? история эта прекратит развиваться? Станет небылью? Ильхам Алиев и Серж Саркисян сократят армии, вооружения, военные бюджеты, разведут войска подальше друг от друга, уберут снайперов, прекратят пропаганду, и я смогу приехать к вам в Баку а вы ко мне – в Ереван? Только ведь ничего этого не будет. Скажу вам сразу, а Вам, Агалар, уже и говорил – на данный момент, я против того, чтобы Серж Саркисян убирал из Карабаха армянские войска. Видите ли, я подозреваю, что – нет, не вы конечно, а те самые плохие люди – захотят просто зачистить «Ханкенди» от армян, а потом – пожалуй, захотят и помыть свой танк в озере «Гекча» или проехать на нем по «Иравану». Есть, безусловно, такие плохие люди и у нас, которые желали бы кататься на армянском танке «от моря до моря». Но у нас их становится меньше, и они менее уверенно себя чувствуют. Знаете почему? Потому что кататься от моря до моря сегодня свободно можно на автобусе. И даже, мне рассказывали, быть армянином в Турции сегодня, в некоторых кругах, вновь стало модно. Даже не то чтобы модно, а осмысленно, что ли. Тем не менее, конечно, плохие люди есть. И более того – мне кажется, что в наших странах они – у власти. Так у меня к уважаемым присутствующим здесь хорошим людям вопрос – что они намерены предпринять в отношении этих самых вот плохих людей? Мы видим, что Турция меняется. Она меняется путем самой серьезной политической борьбы. С меняющейся Турцией – у нас появляется много серьезных и актуальных тем для разговора, пусть даже в условиях закрытой границы – но разговор этот все равно идет, идет внутри нас. И разговор о геноциде меняется. Видите ли, национальные стереотипы – вроде, действительно, имевшей место ненависти армян к туркам и ко всему турецкому – могут, и даже с неизбежностью должны, возникать в условиях бессилия, неспособности – как своей, так и оппонента – к действию. Неспособности к коммуникации в условиях отсутствия общего языка. В условиях склонности рассказывать совершенно различные, взаимоисключающие истории. В условиях отсутствия общего дела. Сегодня нам, хорошим людям, не нужно более от турок, чтобы они покались. Нам нужно, чтобы в Турции состоялась демократия. Нам нужно, чтобы у нас с турками возникло общее дело. Чтобы

ни нам, ни им не нужно было убеждать своих правителей не быть агрессивными и быть человеколюбивыми. Чтобы могли просто заменять тех правителей, которые агрессивны, на тех слуг общества, которые человеколюбивы, и не нужно никого ни в чем уговаривать и урезонивать. Чтобы право, основанное на неотъемлемых права человека – воцарилось и действовало. Тогда нам не потребуются никакие особые права, никакой особый статус. Наши права в таком случае будут наилучшим образом защищены самим турецким гражданином, который более не позволит, чтобы ему морочили голову любого рода националистической пропагандой, и от него тогда совершенно не потребуются любить армян. От него будет достаточно любить самого себя, своего собственного ребенка настолько, чтобы не позволять, чтобы тому в школе преподавали неправильную историю. То же самое, разумеется, касается нас. Я достаточно уважаю и себя, и своих детей, чтобы не позволять промывать нам мозги, рассказывать лживые сказки вместо – нет, не правды, я никому не позволю также «рассказывать мне правду» - а вместо способов, методов поиска и установления истины.

Есть вопросы, которые впрямую не решаемы. Бесполезно призывать любить какую-то нацию, или не ненавидеть ее. Бесполезно призывать измениться самим, не меняя ничего вокруг. То, что вокруг, должно быть изменено. Именно в процессе этого изменения – изменишься и ты сам. Я с большим недоверием отношусь к тем людям в Армении, которые говорят, что любят азербайджанцев, и не любят, например, права человека и Конституционное Движение. Для меня они немногим отличаются от тех, кто любит свою «нацию», и опять-таки не любит права человека и Конституционное Движение. Просто первые, в отличие от вторых, любят почему-то соседнюю нацию. И точно также – я не жду, и не приму от вас любви к «Армении». Смело ненавидьте в ней то, что заслуживает ненависти, и я буду ненавидеть вместе с вами. Любите лишь то, что заслуживает любви. Что составляет не несчастную особенность (совсем по Толстому), а универсальную общечеловеческую черту. И позвольте мне относиться к вам также. Позвольте мне любить вас в меру вашей борьбы за свои человеческие права, а не в меру понесенных вами страданий.

Я думаю, Лала, что нам надо не обсуждать вопрос, как примириться друг с другом не гражданам, так называемым простым людям – а как наладить взаимодействие граждан, поскольку граждане, априори, не находятся в ссоре между собой, потому что внутренний язык, которым они пользуются – общий. Следовательно, повесткой подобных встреч должно являться не армяно-азербайджанское примирение как таковое, ввиду отсутствия какого-либо конфликта между армянскими и азербайджанскими гражданами, а – способы установления республиканского строя в наших странах.

Да, это – политическая задача. Да, мы занимаемся политикой. Да, мы стремимся к власти. К власти граждан. И только политический язык является доподлинно общим для нас, вне зависимости от того, армянский он или азербайджанский. Политический язык – единственный научный язык человечества, поскольку он позволяет сравнивать подобное с подобным с математической четкостью, в отличие от языков морали, истории, мифологии. Они, как вы заметили, отлично располагаются через запятую. Есть общее движение человечества от несвободе к свободе, от произвола к праву, от насилия к сотрудничеству. И есть общая теория, общий язык, установление которого и означает успех этого движения. Все так называемые особые, уникальные случаи прекрасно опознаны и оценены этим языком, как те или иные хитрости диктатуры.

Словом, я хотел сказать – Вы правы, Лала, начнем все сначала. Но именно – мы с Вами, и вами, друзья, здесь и сейчас. Мы живем в большом мире, через который проносятся новые течения борьбы за свободу. Они подходят к нашему региону теперь уже с обеих сторон – с традиционного Запада, и с нового, неожиданного Востока. Овладеть языком этой новой, более истинной, чем прежняя, реальности – и значит похоронить все те прежние языки, языки нашего несчастья.

Ара закончил свою несколько сбившуюся речь, и сел, не чувствуя немедленного отклика, но зная, что вильнюсская проблема каким-то образом уже преодолена, что ответ, если и не сейчас, немедленно – но когда-нибудь все же будет, что он уже в пути, что время бросило свиваться в

кольца и упруго развернулась – в определенном направлении, конгруэтно улицам Тбилиси, соположно временам Литвы и Грузии.

Лала с интересом слушала выступление Ары и сожалела, что едва начавшийся диалог внезапно прерывался. Ей хотелось поспорить с утверждением об универсальности и математической научности политического языка или, пожалуй, узнать что-то новое на эту тему, с чем она готова была бы согласиться со своей позиции политического дилетанта. Но всего через пару часов обе группы покидали Тбилиси в направлении своих «окопов».

12

Лала не ответила на вопрос Самира о дате своего возвращения. Она уже пребывала в состоянии близком к буддистской «решимости к освобождению» или «непривязанности». Решила, что скоро уедет обратно в Штаты и будет продолжать строить свою жизнь там, даже если мама откажется ехать с ней (а в том, что так и будет, она не сомневалась). Ей не хотелось, чтобы ее встречали или провожали.

В день возвращения она пошла в большой супермаркет за продуктами. Мама за время ее отсутствия не ходила в магазин и, судя по не выброшенному мусору на дне ведра, почти не выходила из дома. Все последние месяцы она проводила в своей комнате, уткнувшись в компьютер и стуча по клавиатуре.

Лала подумала о том, что уехав, оставит мать совсем одну в глубокой депрессии, но что ей было делать? Любые попытки поговорить с ней на тему совместного отъезда заканчивались ссорами. Пожилая женщина с большими карими глазами уезжать категорически отказывалась и просила Лалу оставить ее в покое и ехать одной.

Купив все самое необходимое, Лала решила заняться поисками ингредиентов для вечернего ужина. Она подошла к мясному прилавку, на котором были аккуратно разложены завернутые в полиэтилен бараньи ноги и небольшие пластиковые посудинки с мелко нарезанными кусками мяса. «Маркетинг рассчитан на иностранцев», -- подумала Лала. Местные рынки продавали мясо по-другому – на больших крюках висели целые туши, а безжизненно свисавшие бледные бараньи яйца свидетельствовали о том, что глазам покупателя был представлен именно качественный самец (правда, по слухам, коварные мясники могли прикрепить яйца к мясу самки, чтобы лучше продавалась). Лале захотелось запечь ногу в духовке, с чесноком и специями, но она вспомнила, что мама не любит запаха баранины, и после смерти отца практически не ест мяса. Вздохнув, она пошла к выходу.

Выйдя из магазина, Лала увидела торговца рыбой, расположившегося прямо на улице, сбоку от входа, с большим деревянным столом, устланном рыбинами разных размеров. Рядом стояли большие пластмассовые тазы с водой, в которых плавала такая же рыба, только живая. Лала, которая всегда избегала сцен жертвоприношения и в праздник Курбан отсиживалась дома, заинтересовалась. Неужели их приканчивают прямо на глазах у покупателей, подобно баранам на импровизированных бойнях, разбросанных по пригородным улицам?

Подойдя поближе, она стала рассматривать нескольких крупных черных экземпляров, которым явно было тесно в одном тазу. В соседней посудине плавало несколько рыб другой породы, одна из которых, сдавшись, только что всплыла брюхом кверху. Лала подумала, что, если им не сделать одолжения и не прикончить прямо сейчас, то они, промучившись еще несколько часов, все не избегут подобной участи.

К ней подбежал продавец, поливавший шлангом асфальт рядом со столом.

-- Салам, -- сказал он, улыбаясь двумя рядами золотых зубов.

-- Салам. Неджесиз? -- ответила Лала.

Золотозубый продавец сразу уловил в ней «русскоязычную»:

-- Што хочишь? – спросил он подхватывая один за другим лежавшие на столе рыбины за хвост и крутя перед Лалиным носом. – Это – кутум. А это – толстолобик. Это – сазан. Это – белый риба.

-- Давайте одного кутума.

-- Почистить?

Лала обрадовалась предложению – не надо было мучиться с чешуйками дома:

-- Да, пожалуйста, очистите.

Продавец приступил к отработанной процедуре. Через минуту голая рыба без потрохов лежала в кульке.

-- Ище што хочишь?

-- А что, живую рыбу вы тоже продаете?

-- Канешна! Хочишь?

На Лалу напал непонятный раж. Ей захотелось купить живую рыбу.

-- А как вы ее ... ммм... Ну, то есть ... если я ее захочу купить, то как я ее унесу?..

Хитрые глазенки продавца сверлили ее, пытаясь понять, чего ей надо и как убедить ее в том, что это возможно. Лала никак не могла подобрать нужных слов:

-- Ну ... то есть ... Вы что ее ... прямо здесь?.. Что вы с ней сделаете?

-- Как што? -- лукаво улыбнулся тот. -- Кров выйдет из нево, и всйо.

Лала решила, что раз уж она ест рыбу и скотину, забитую где-то, кем-то и когда-то, то не надо миндальничать и притворяться чистюлей. «Знай, откуда берется твоя еда. Если не нравится идея – становись вегетарианкой», - сказала она себе.

--Давай.

-- Какөва?

-- Вот эту, -- выбрала Лала свою жертву и отвернулась, представляя, что первым делом он отрежет ей голову.

Когда она заставила себя посмотреть в таз, где торговец, пыхтя, быстро соскребывал ножом рыбью чешую, ей показалось, что та отчаянно вырывается у него из рук. «Но ведь этого же не

может быть? Ведь он ее наверняка обезглавил сначала», подумала Лала. Подойдя поближе, она увидела, что рыбу дергал в разные стороны он сам, умелыми движениями подставляя то один, то другой ее бок под свой острый нож. Голова была на месте, но в тазу и вправду было немного крови. Рыба так и осталась с удивленно открытым ртом, застывшим в немом крике ужаса и боли. Потом он вспорол ей брюхо и выпотрошил внутренности.

Превозмогая отвращение, Лала взяла сумку с рыбой и пошла к машине. Полежав в холодильнике неделю, рыба провоняла и была выброшена. Лале же все последующие дни круглоротая рыбина снилась по ночам, и она не могла избавиться от ощущения, что это – плохое предзнаменование.

Она решила еще раз поговорить с мамой, но не знала, с чего начать. Через несколько дней мама, постучав в дверь, сама зашла в ее комнату, под села на диван и спросила, когда она уезжает.

-- Не знаю, зависит от тебя.

-- Я знаю. И потому хочу убедить тебя в том, что тебе надо ехать без меня. Тебе нужно строить будущее, успеть родить ребенка. Тебе скоро тридцать пять, и у тебя нет ни кола, ни двора. А мне нечего делать там, в твоей американской жизни. У меня здесь какая-никакая, есть работа, которая дает мне ощущение нужности. Грамотных специалистов русского языка осталось не так много, все разъехались. Я почти всю жизнь прожила здесь, среди мусульман. С ними мне и умирать. Здесь похоронен твой отец, и ты знаешь, что рядом с ним твои родственники оставили место и для меня.

-- Что за глупости?

-- Это не глупости. Это жизнь. Моя получилась такая, как получилась, да и твоя, в основном, прошла в скитаниях, мое дитя потерянного поколения. Успей прожить хотя бы часть ее так, как тебе хочется. Мне незачем ехать сейчас с тобой, а тебе незачем ждать меня, если ты хочешь уехать.

13

Решение об отъезде было принято быстро и импульсивно. Лала позвонила в авиакомпанию и забронировала билет. Вылет через четыре дня, собираться почти не нужно – она хотела взять с собой только самое необходимое – старые дневники, книги, сувениры и подарки для друзей.

Позвонила Самиру. Он был какой-то сонный:

-- Ты уже вернулась из Тбилиси?

-- Да. Но скоро опять уезжаю.

-- Куда?

-- В Ереван.

-- Что???

-- Да нет, я шучу. Я уезжаю обратно.

-- Час от часу не легче. Уж лучше бы ты уехала в Ереван. Что – все?

-- Все.

-- Насовсем?

-- Насовсем.

-- Увидимся?

-- Давай пойдем утром на Бульвар встречать солнце. Я за тобой заеду часов в 6.

-- Ты хочешь, чтобы я встал в 6 часов утра в праздничный день?? Ладно, пойдем. Думаю, в следующей жизни мне воздастся за такой подвиг.

На следующее утро Лала ехала по тихим улочкам спящего города. Баку просыпался поздно – даже в рабочие будни в шесть утра на дорогах еще почти не было машин, а в семь появлялись единичные «ранние ласточки». Лала вспомнила два года, проведенные в пригороде Вашингтона – в семь утра мощный поток машин, двигавшийся в направлении Округа Колумбия, уже стоял в глухой пробке.

Они с Самиром почти не разговаривали в дороге. Он, кажется, еще просыпался, а она, открыв окно, наслаждалась тишиной и красотой своего пустого города, встречающего необычайно теплую раннюю весну. Было время праздника Новруз в каждом азербайджанском доме – время весеннего равноденствия, восходов пшеницы «семени» на маленьких тарелочках, ароматной выпечки.

Самир, окончательно проснувшийся от свежего воздуха, приносившего весенние ароматы в открытое окно автомобиля, рассказывал, как его семья готовилась к празднику, как собиралась женская «тайфа» в доме его родителей, как суетились, разговаривали они, и месили, пузырили, взбивали, мяли, раскатывали тесто, дробили орехи, выливали на листы с пахлавой золотистый мед. От царившей в доме предпраздничной суматохи, обилия запахов и голосов, говорил Самир, одновременно хотелось пританцовывать в предвкушении праздника и убежать куда-нибудь из дома до тех пор, пока не наступит снова относительное спокойствие.

У Лалы дома, напротив, царили тишина и стерильная чистота. Мама купила несколько видов сухофруктов и, по традиции, высыпала их на круглый поднос, обрамленный несколькими свечками. Лала купила тарелочку с «семени» у уличного торговца и готовые сладости в турецкой пекарне – шекербуру, пахлаву, шор-гогал.

-- Хочешь сегодня вечером убежать от своей «тайфы»?

-- Куда?

-- На концерт Алима Гасымова и его дочери Фарганы в Центре Мугама. Устраивает норвежское посольство, вход только по «пригласительным». Мне позвонила знакомая из американского посольства и предложила приглашение на два лица. Я не знала, пойду или нет, мугам сейчас в моде, но я не могу сказать, что являюсь его большой поклонницей. Только что решила, что пойду. Если хочешь, можешь стать вторым «лицом».

-- Конечно, хочу.

Они оставили машину на пустой автостоянке и пошли навстречу восходящему солнцу, которое окрасило ровную поверхность моря в ярко-оранжевый цвет. Через двадцать минут они дошли до

противоположного конца Бульвара, где уходящая в море эстакада приютила нескольких рыбаков. Они сели недалеко от удивленно уставившихся на них мужчин с удочками, которые не часто видели здесь молодежь в столь ранний час. Свесив ноги, Лала и Самир молча наблюдали как с каждой минутой диск солнца поднимался все выше и становился все более расплывчатым. Вскоре он растворился в небесной голубизне, и на Бульваре начали появляться первые прохожие – местные коренастые бегуны в спортивных формах «Адидас», и худощавые иностранцы в трико и майках с короткими рукавами.

-- Тебе не жалко уезжать? – спросил Самир.

-- Конечно, жалко. Но для меня здесь нет будущего, хотя я не уверена, что оно вообще где-то есть. Знаешь, когда из нацисткой Германии изгнали еврейскую интеллигенцию, которая ни с какой другой языковой и социальной средой, кроме немецкой, себя не ассоциировала, некоторые, поскитавшись по миру, покончили жизнь самоубийством, потому что никакое место на планете не давало им ощущения дома. Цвейг и его жена отравили себя в месте своего последнего пристанища – Латинской Америке... Я тоже потеряла своего советского верблюда.

-- Какого еще верблюда?.. Кстати, ты, надеюсь, не собираешься покончить жизнь самоубийством, моя эксцентричная, одинокая, советская подруга?

-- Нет, конечно, нет. А как идут переговоры твоей семьи о помолвке?

Самир помолчал некоторое время, словно ему сложно было говорить на эту тему.

-- Кажется, договорились. Через два месяца будет «нишан».

-- «Нишан» - это обручение? Поздравляю! Будьте счастливы. Как ее зовут?

-- Уля. Мои родители сегодня поедут выбирать для нее драгоценности. Я, может быть, тоже с ними пойду. Во сколько у нас концерт?

-- В семь. Ты ее хотя бы видел?

-- Конечно, мы регулярно встречаемся, разговариваем.

-- Слушай, а может, ты с ней пойдешь на концерт сегодня? Я, честно говоря, не горю желанием.

-- Да нет, спасибо, у нее сегодня вечером как раз девичник намечается.

-- Но она не будет против того, что ты идешь со мной?

Самир опять замялся, пытаясь сформулировать ответ:

-- А зачем ей знать все подробности?

-- Только начали отношения, и уже – с обмана. Ладно, какое мне дело? Поехали по домам, встретимся в половине седьмого перед Центром Мугама, надо успеть занять хорошие места.

... Концерт начался почти вовремя – с опозданием всего на пятнадцать минут. Места в самом центре были зарезервированы для специально приглашенных гостей, но и с мест, занятых Лалой и Самиром, все было прекрасно видно и слышно. Сферический зал бы прекрасно продуман с точки зрения акустики и дизайна. Правда, Лала успела заметить, что в нем не было удобного места для

въезда на инвалидной коляске, а уж по лестницам, ведущим к верхним рядам, в ней было бы и вовсе не подняться. Но в целом недавно отстроенное здание Лале нравилось – спокойное, без претензий, внушающее к себе уважение.

Певец, воздевший руки и прикрывший глаза, словно подключился к какому-то космическому потоку подсознания. Тело его находилось в зале, но душа бродила по неизведанным уголкам Вселенной, откуда, как в сказке, доносился его вибрирующий голос. Через некоторое время Лала тоже закрыла глаза и унеслась вместе с ним в таинственные дали, доверившись его голосу. Она забыла, где находится, просто лежала на волнах этой протяжной, надрывной музыки, позволяла ей поднимать себя высоко в поднебесье и нежно опускать. По щекам Лалы катились слезы, но на душе было очень легко, словно она и в самом деле парила над залом.

Откуда-то из далекого детства, из плотно уложенных листков памяти, пришла сцена отцовской мастерской, в которой она оказалась случайно, и увидела его, порядком выпившего, сидевшего на низком топчане, низко опустив голову на сложенные на коленях руки. Отец плакал. Из соседней комнаты доносились звуки странной, непонятной Лале музыки, очень похожей на ту, что лилась со сцены сейчас. В доме ее детства подобные проявления «отсталости» не поощрялись. Лала обычно рассерженно выключала телевизор, если бабушка пыталась переключить его с московского канала на местный. «Что за дикие вопли?» смеялись Лала и Наташка Петрова, убегая во двор. Она подошла к нему и спросила без улыбки, «Что это ты здесь слушаешь?» Он посмотрел на нее затуманенным взглядом и сказал: «Вырастешь – поймешь. Мугам – это философия. До него надо дорасти».

Как ей сейчас не хватало отца, его не избитого взгляда на жизнь! В последние десять лет они почти не разговаривали, укрывшись каждый в своем убежище: она – в Американском прагматизме, он – в бутылке с водкой. Но сейчас его уже не было, и ничего было уже не вернуть.

«Гетмя, гетмя, гяль!»** доносились голоса Алима и Фарганы с самого дна Лалиного сердца.

Когда концерт закончился при полной овации, Лала аплодировала стоя, как и все остальные. Самир, тоже стоя, тыкал пальцем в клавиатуру мобильного телефона, видимо, посылал сообщение Уле.

Выйдя в ярко освещенный вестибюль, он посмотрел на Лалины припухшие веки, по которым была размазана черная тушь:

-- Ты что, плакала??? Вот уж не думал, что тебя может так тронуть наша национальная музыка! Она даже меня не очень трогает.

-- Она, между прочим, и моя музыка тоже, - тихо ответила она.

14

Чемодан был собран, а такси ждало Лалу у подъезда. Мама была на работе. Перед тем, как выйти из дома, Лала уселась перед компьютером, даже не зная, что именно она собирается написать и кому.

«Я уезжаю», написала она. – «И, скорее всего, не вернусь».

Потом подумала и приписала сверху: «Здравствуйте, Ара».

Еще через минуту размышлений добавила «Привет, Самир».

Еще раз подправила:

«Здравствуйте, Ара и Самир. Я уезжаю из Баку. И, скорее всего, не вернусь. Не знаю, будет ли у меня время поддерживать регулярную связь – мой рабочий график, наверняка, будет очень напряженным.

Но мне хочется отправить вам обоим это письмо, познакомить вас, потому что вам, на мой взгляд, есть, о чем поговорить.

Ара очень вдохновенно писал о революции, которую он жаждет видеть на улицах Еревана. Самир – тоже революционер в душе, правда, латентный. ☺

А если серьезно, то кроме политики вас связывает, к примеру, интерес к искусству. Из недолгого общения с Арой в Тбилиси я знаю, что он, как и Самир интересуется импрессионизмом и его влиянием на живопись современных художников на Кавказе.

Мне очень хочется, чтобы за ярлыками «армянин» и «азербайджанец» вы разглядели человека по другую сторону границы, которому хочется от жизни гораздо большего, чем крови и победы.

Можете ли вы начать относиться друг к другу не как «представителям», «воплощению», «олицетворению» своего племени, а как к набору личностных качеств, литературных предпочтений и социально-политических убеждений? Можете ли вы начать сотрудничать друг с другом не «вопреки», через запятую, недовольно кашлянув, преодолевая внутренние барьеры?

Можете ли вы забыть о том, какое племя представляет каждый из вас и воспринять друг друга в отрыве от него? Забыть и простить все, что натворили с вашими племенами дальние родственники соплеменников второго, которые, в свою очередь, тоже немало пострадали? И так до бесконечности, как «У попа была собака», глаз за глаз, око за око. Своим непощением и забыванием вы, как инфекцией, заражаете следующие поколения и позволяете землепашцам и комсомольским работникам умело манипулировать собой.

Ведь если завтра воцарится мир (а в том, что это станет возможным только по велению сильных мира сего, я не сомневаюсь), то важнейшим фактором в его сохранении будет являться наличие с обеих сторон именно таких людей – способных говорить об аспектах каждодневной жизни, о чем-то объединяющем, способных вместе создавать фильмы и книги. Разве это не прекрасно – не отождествлять человека с «врагом» только потому, что солдаты с обеих сторон подчиняются приказам стрелять друг в друга? Ведь стремление сконцентрироваться именно на проблеме, на ее «справедливом» решении как раз и тянет нас вниз, в сторону противоположного решению, и ближе к созданию новых проблем.

Вам и вашим детям предстоит еще долго соседствовать на клочке земли, именуемом Закавказьем. Разве не стоит это того, чтобы постараться сделать это сосуществование как можно более приятным, не превращая его в ад для своих потомков?

В общем, миру – мир. Любите друг друга. И не поминайте лихом.

Лала».

15

Самолет из Франкфурта в Баку задерживался. Значит и вылет тоже задержится. Лала сидела на жесткой аэропортовской скамейке и перечитывала сказку о плюшевом зайце, который очень

хотел стать настоящим. Для того, чтобы стать настоящим, говорилось в сказке, нужно, чтобы кто-нибудь тебя очень сильно полюбил.

Наконец объявили посадку, и пассажиры сгрудились у последнего конвейера с проверкой, отделявшего их от места в самолете.

Лала устроилась на своем месте, положила в карман переднего сиденья шоколадную плитку и большую пластмассовую чашку с пакетиком ромашкового чая, чтобы сразу после сигнала о том, что можно расстегнуть ремни безопасности, попросить у стильно взъерошенного немецкого стюарда с подведенными глазами кипятка. Туда же приткнула и книгу Тома де Ваала «Черный сад», которую давно уже хотела прочитать. Утомленно закрыла глаза и стала ждать вылета, по суеверной привычке повторяя строки молитвы «Отче наш».

Видимо, от бессонной ночи накануне и от переработанного самолетного воздуха ее сморило, и проснулась она уже после взлета. Сидевший рядом с ней пассажир тоже спал. Он так и прохрапел большую часть пятичасового полета, а изможденная Лала отчаянно ему завидовала.

Проведя четыре часа в аэропорту Франкфурта, она встала в очередь, ведущую к месту посадки на рейс Франкфурт – Сент-Луис. Народу было много, но она все же надеялась, что рядом с ней никого не будет и ей удастся хоть немного поспать. Желанию этому не суждено было осуществиться – на ее невезение, крикливая мамаша из Молдовы с двумя малышами-близнецами, шумно опустились на сидения рядом с ней. Немного поразвлекав детей, бесконечно вылезавших со своих мест с намерением побегать по салону, Лала попробовала сосредоточиться на чтении, но удавалось ей это с трудом. После восьмичасового перелета ей хотелось лишь одного – тишины.

Она подкатила свою ручную кладь к концу очереди, выстроившейся к окошку с маячившей за ним головой пограничника, и устало прислонилась к отгораживающему столбику. Это было долгое путешествие – почти тридцать часов в пути, практически без сна. Она подумала о том, что пограничник может и засомневаться в соответствии ее усталой физиономии улыбочивому, напомаженному снимку в паспорте и представила, как натянутая улыбка превратит ее утомленное лицо в гримасу.

Угораздило же ее все-таки забронировать машину в Сент-Луисе. Ну подумаешь, какая-то пара сотен долларов. Зато могла бы поспать сейчас в автобусе, а не вести машину, потирая слипающиеся веки, по тремстам километрам дорог с быстрым движением, посреди усталых водителей больших грузовиков.

От этой мысли ей стало беспокойно. К моменту, когда она поздоровалась с пограничником и протянула ему свой паспорт, ее уже всюду одолевали сомнения в правильности выбранного способа перемещения по среднезападным американским равнинам. А что если?.. «Ну ладно, ладно», - стала она успокаивать саму себя. - «Чего запаниковала? Не бзди, Парфен».

Это была одна из прибауток отца, много путешествовавшего в молодости по России и советским республикам. Его, кавказца с мягкими манерами, не переставала восхищать российская грубоватая простота, и он часто с юмором приправлял свою речь выражениями, которые он насобирав за время путешествий.

Пограничник попросил ее оставить отпечатки пальцев и посмотреть в камеру, после чего нашлепал печати и вернул ей ее документы, «Welcome home!»

Через полчаса она уже стояла с чемоданом в очереди за машиной в аренду, с бронью на самый маленький тип автомобиля.

Приветливая женщина за стойкой попросила ее представить водительское удостоверение и заполнить соответствующие формы. Проверив бронь в своем компьютере, она сказала Лале: “We are all out of your booked class of vehicles but we can give you a free upgrade. Would you like a Toyota Corolla?” ***

Лала забрала ключи от машины и устало потащила чемодан в сторону стоянки. Уложив его в багажник, она села за руль и только сейчас в полной мере ощутила степень своего изнурения.

«Может, снять гостиницу в Сент-Луисе, передохнуть и отправиться завтра?» подумала она. Но перспектива поиска гостиницы и блуждания по малознакомому городу представлялась ей не намного более привлекательной. «Через три часа буду уже на месте», решила она и завела мотор.

16

Первый час пути прошел в борьбе Лалы со ставшими уже привычными за последние несколько месяцев бакинскими водительскими инстинктами. Она агрессивно меняла дорожки, пытаясь обогнать всех, кто попадался на ее пути. То ли воздух свободы подействовал, то ли усталость подгоняла, но, когда она взглянула на спидометр, стрелка приближалась к 90. Она как раз отчаянно давила на педаль акселератора, пыталась обогнать многометровый грузовик и достигнув лишь его середины. «Эй, Шумахер домотканый, поосторожней, это ведь мили, а не километры», - едва успела подумать она, как почувствовала, что тяжелая масса воздуха, разгоняемого многотонным грузовиком, толкает ее влево. Колеса Тойоты шумно застучали по гофрированному асфальту, предназначенному для того, чтобы разбудить уснувшего водителя до того, как машина вылетит в кювет. От неожиданности она вздрогнула, руль повернулся вправо, в сторону грузовика, и она поняла, что не контролирует летящий на высокой скорости автомобиль. Экстренное торможение привело лишь к тому, что Тойоту развернуло и понесло прямо на четыре ряда высоких колес.

За доли секунды, которые оставались до момента столкновения, Лала успела подумать лишь: «Вот как, оказывается, погибают люди в автомобильных катастрофах» и «На кого я оставила маму?». Последним звуком, который она услышала, был скрежет металла о металл и звук разбитого лобового стекла.

---

* Большое спасибо.

** «Не уходи, вернись!»

*** «У нас не осталось автомобилей бронированного Вами класса, но мы можем бесплатно предоставить Вам машину побольше. Вам подойдет Тойота Королла?»